

Матьяна Терцук

Дорога
по болоту

18+

Татьяна Герцик

Дорога по болоту

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72274873

SelfPub; 2025

Аннотация

Приехав на конференцию в Питер, молодой ученый Максим Кондратов встречает Оливию, редактора издательской группы «Интересно о разном». Он влюбляется в нее, но она замужем и, более того, считает Максима одним из тех ловеласов, для которых женщина лишь предмет для самоутверждения. Но Максим упорствует, пытаясь убедить ее в искренности своих чувств.

Есть ли у них будущее?

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	35
Глава третья	66
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Татьяна Герцик

Дорога по болоту

Глава первая

Нева безразлично несла мимо свои воды, холодные, мрачные, серые. Оливия поежилась под сильным порывом пронизывающего балтийского ветра. Вот за что она не любила Питер – за этот постоянный ветер. Весна ее вовсе не радовала, слякоть и грязь она не жаловала. К тому же в последнее время город убирали из рук вон плохо. С чем это было связано, она не знала. Все говорили, что губернатор плохо следит за подрядчиками, но разве за это отвечает он, а не администрации районов города?

В кармане куртки настойчиво и бравурно зазвонил телефон. Игорь. Она специально поставила такую мелодию, полностью отвечающую его бодрому нраву. Отвечать не хотелось, но он все равно б не успокоился, названивая снова и снова. Она молча поднесла трубку к уху.

– Привет, малыш! – раздался оживленный голос мужа. – Где ты потерялась? Я тут блинчики испек, а тебя все нет.

Оливия чуть слышно вздохнула. Это снисходительное обращение ее коробило. Ну какой же из нее малыш? Она взрослая самодостаточная женщина. Да еще интонация такая, ка-

кой говорят с маленькими глупенькими детишками. И какие опять блины? Она вообще не любит сладкое и мучное. Вот если б он затушил капусту с сосисками, тогда да, было бы здорово, а так он приготовил ужин только для себя, он-то блины, да еще приторно-сладкие, просто обожал.

Огорчать Игоря не хотелось, он же старался, и она вяло пообещала:

– Да? Здорово. Я скоро приеду. Немножко задержалась.

Слегка пригнувшись под пронизывающим ветром, неохотно побрела к автобусной остановке. У них с мужем был «ниссан», и водила она хорошо, но не считала нужным ездить на работу на своей машине. И парковаться трудно, и стоять в бесконечных пробках не хотелось. Из автобуса можно выйти и пойти, куда надо, а вот машину так не бросишь, поэтому она предпочитала общественный транспорт.

За прозрачным укрытием посадочного павильона было потише, и она скинула с головы капюшон, освободив светлые волосы. И тут же раздался довольный возглас:

– Олли, как же я рад тебя видеть!

Она обреченно повернулась, уже зная, кто это. Перед ней действительно стоял Вадим Коркин, ее давний ухажер, в длинном модном пальто, с растрепанной ветром каштановой шевелюрой. Когда-то она предпочла ему Игоря, но Вадим так и не смирился, появляясь как черт из коробки в самых неожиданных местах. Караулит он ее, что ли?

Парень кинулся к ней с объятиями, она с трудом уверну-

лась и холодно спросила:

– Что тебе надо?

Он безнадежно уронил руки и с нарочитым страданием в красивом баритоне проговорил:

– И что ж ты злая-то такая? Ну чем я плох? Отчего тебе не нравлюсь? – и уставился на нее обвинительным взглядом карих глаз.

Оливия безглаголиво поморщилась. Вот ведь актер из погорелого театра! Откровенный бабник, «коллекционер постельной страсти», как он сам себя откровенно называет, и еще к ней предъявляет какие-то смешные претензии. Верить ему не стоило еще в те времена, когда он пылко клялся ей в любви и звал замуж, а теперь и подавно. Клоун по жизни.

И ведь полно дамочек, безоговорочно в него влюблявшихся и веривших каждому его фальшивому словечку про пылкую любовь. Правильно говорят, женщины любят ушами, по ушам ездить Вадим великий мастак.

– Не кривляйся, будь так любезен! – сердито выговорила она и подошла поближе к месту посадки, подходил ее автобус.

Даже не оглядываясь, знала, что Вадим заскочит следом за ней. До чего же он ей надоел! Неужто верит, что она станет следующим экспонатом в его коллекции разбитых женских сердец? Или просто пытается отыграть когда-то проигранный матч, реванш своего рода? Для него же все его увлечения что-то вроде спорта. Победил, награду получил и можно

искать новый приз в увлекательной игре.

Оливия устроилась рядом с сидевшей у входа немолодой дамой, хотя свободных мест в салоне было полно, час пик закончился. Как она и ожидала, Вадим беспардонно навис над ней, впиваясь в ее лицо слишком нежным взглядом. Оливия сделала вид, что ничего не замечает. Может, позвонить Игорю, чтоб встретил, до дому с автобусной остановки идти больше десяти минут, Вадим непременно увяжется следом.

Нет, потом муж замучит ее нравоучениями. Отчего-то он уверен, что пристают только к тем женщинам, которые сами дают для этого повод. Уж лучше потерпеть назойливость Вадима, чем выслушивать занудное, ничем не обоснованное аханье мужа.

Соседка поняливо покосилась на Вадима и тихо спросила:

– Похоже, он вам изрядно надоел? Что это не муж, видно сразу.

Оливии очень хотелось спросить, откуда это видно, но, взглянув на ухажера, поняла – мужья с таким демонстративным обожанием на своих жен не смотрят. Она молча кивнула. Усмехнувшись, дама спросила:

– Вы где выходите?

– На Кронштадской площади.

– А мне на следующей. Выйду с вами, провожу. Не против?

Оливия встrepенулась. Это был бы наилучший вариант.

Но все-таки опасливо предупредила:

– А не слишком вам будет далеко идти? Мне до дому еще шагаться да шагать.

Дама отрицательно качнула головой.

– Нет, конечно. Было б трудно, не предлагала. Мне как раз нужно за продуктами зайти, а магазины по дороге. Так что двух зайцев убью – и вам помогу, и себя не забуду. – Помолчав, с некоторым раздражением пояснила свои действия: – Мне в молодости, да и попозже, мужики тоже немало крови испортили своей навязчивостью. Трудно нам, красивым и умным, живется, надо друг дружке помогать, – и лукаво подмигнула.

Оливия невольно улыбнулась. Ей понравился этот легкий разговор, и даже захотелось пожаловаться на жизнь. Но вовремя спохватилась. На что ей жаловаться? Не иначе она с жиру бесится, как ей постоянно твердит Маришка, ее закадычная подруга.

Когда автобус подъехал к её остановке, Оливия поднялась и вышла из салона. Следом за ней вышла дама и, как водится, довольный своей находчивостью Вадим. Но едва он увидел, как дама непринужденно берет Оливию под руку, и они дружно шагают по Дачному проспекту, настроение у него резко упало. Он был уверен, что они не знакомы.

«Вот ведь стерва!» – он пронзил немолодую женщину ненавидящим взглядом. – «Специально ведь мешает»!

Ему было по-настоящему и обидно, и досадно. Он столько

времени потратил, поджидая свою недотрогу, даже несколько замерз, и такой облом! На всякий случай дошел до самого ее дома, но вредная старуха и не думала уходить. Более того, они даже о чем-то минут пять потрепались возле Олиного подъезда и только после того, как девушка скрылась за железными дверями, захлопнувшимися с неприятным лязгом, старушенция повернулась, чтобы уйти.

Вадим не выдержал:

– Ну что, вы довольны? Сорвали мне свидание и рады-радешеньки? – выпалил он со злостью.

Она смирила его таким холодным взглядом, что у него поневоле что-то испуганно сжалось в груди, похоже, рецидив далекого детства.

– Я не разговариваю с незнакомцами, к тому же дурно воспитанными! – строго объявив это, дама независимо пошла по дорожке в сторону проспекта, наверняка к супермаркету.

Вадиму отчаянно захотелось выругаться, но он неимоверным усилием воли сдержался и вскинул голову вверх, к Олиному окну в надежде увидеть ее милый силуэт. И почему она отказалась идти за него? Чем он хуже этого смешного медвежонка, ее мужа? Рядом с ней он чувствовал бы себя счастливым и налево не ходил. Какой дурень станет изменять такой женщине, рискуя ее потерять? Не он точно.

Сердито пнув чугунную ножку чудом сохранившейся старорежимной лавочки, пробурчал под нос недобрые слова о разных коварных типах, портивших ему, такому замечатель-

ному, жизнь, и отправился восвояси, на ходу набирая телефончик более сговорчивой особы, дабы провести с ней нескучный вечерок, ну и ночь, соответственно.

Поднявшись пешком на свой седьмой этаж, Оливия уже в общем холле почувствовала резкий запах жареных блинчиков и устало вздохнула. Есть не хотелось совершенно, но придется давиться, впихивая в себя минимум пару блинов, не то Игорь разобидится, примется трагически вздыхать и жалобно глядеть, как нашкодивший щенок на обидевшую его хозяйку.

Вспоминая беззаботное незамужнее время, она не понимала, отчего вышла замуж за не так уж и нравившегося ей парня. Никакой страсти и пылких чувств она к нему испытывала. Может быть, показалось, что с ним ей будет хорошо? Игорь добрый и заботливый, с этим никто и не спорит, но отчего ее душит его непомерная забота?

Едва открыв дверь, попала в теплые объятия мужа.

– Ух, какая холодная! Заработалась, бедняжка! Я аж в окно тебя выглядывал, все ждал, когда придешь. И мне показалось, что я видел Коркина, – озадачено заметил он.

Расстегивая куртку и отдавая ее Игорю, Оливия нехотя призналась:

– Не показалось, это в самом деле был он.

Муж возмущенно воскликнул:

– Вот ведь какой приставучий тип! Сколько раз я с ним говорил, чтоб он от тебя отстал, но ему все нейдет! Если

увиджу, придется объяснить ему это еще раз, непонятливому такому!

Оливия была уверена, что своим занудством Игорь только еще больше провоцирует Вадима, но промолчала. Она давно убедилась, что возражать мужу просто глупо, на него даже малейшее неодобрение действовало как красная тряпка на быка, воодушевляя на все новые и новые потоки словоизвержения.

Вымыв руки, прошла на кухню, где в красивой керамической вазе стояли свежие цветы. Это ее не удивило – Игорь владел одной из небольших фирм по озеленению города. Цветы в их доме бывали часто, но означало это только одно – их было жаль выкидывать.

Муж торжественно поставил перед ней красивые румяные блинчики с настоящим кленовым сиропом, единственным видом сладкого, который она признавала. Старательно улыбнувшись, поблагодарила его и обмакнула свернутый трубочкой блин в сладкую тягучую массу и откусила кусочек.

– Вкусно? – нетерпеливо потребовал отчета Игорь.

– Очень! – она даже не покривила душой, было на самом деле вкусно.

– Ешь как следует! – довольно наказал он. – А то ты такая тощая, аж подержаться не за что, да и смотреть противно. Кожа да кости, прямо кощей бессмертный в женском варианте.

Аппетит и удовольствие от еды враз пропали. С трудом

доев блин, она отодвинула от себя тарелку с блинчиками.

– Спасибо, но больше не хочется, – пробормотала, поднимаясь.

– Да что это такое! – закудаhtал он, как заботливая наседка. – Ты вообще ничего не ешь! Ты так устаешь, что и не соображаешь ничего! Я сколько раз тебе говорил, чтоб ушла со своей идиотской работы, где одни дураки и работают, и сидела дома! У меня вполне хватит возможностей обеспечить нас обоих!

– А если двоих? Или троих? – она знала, что последует за этой провокационной фразой, но спросила снова, просто чтоб позлить муженька. Зачем, и сама не знала.

– Вот когда у нас будет достаточно средств, чтобы достойно обеспечить наших детей, тогда мы их и будем заводить! – сердито отрезал он, рачительно закрывая стеклянным колпаком несъеденные блины и убирая в холодильник.

Это она слышала много раз, поэтому, не отвечая, прошла в большую комнату. Чисто, уютно, красивая стильная мебель, на стене картина известного питерского художника, выбранная ею самой. Довольно большая двушка, купленная ими пару лет назад, казалась островком тихого счастья, но отчего ей так холодно здесь?

Следом зашел Игорь, продолжавший все так же недовольно бухтеть:

– К чему тебе работать? Другие женщины рады-радешеньки, когда им предлагают посидеть дома, за мужем поухаживать.

вать, за собой, отдохнуть от суеты, в конце-то концов, а ты? Тебе же все неладно! Лучше бы побольше редактировала мои книги, я бы тогда печатался куда больше!

Оливия начала потихоньку закипать. Сколько можно? Дома он ее хочет видеть с одной только целью: – чтоб она полностью зависела от него! Сидела и правила его не слишком умные черновики, а он бы печатал книги и пожинал славу и деньги. Вообще его работа в офисе – только витрина, делать ему там почти нечего, раз он умудряется за свой рабочий день наклепать почти три авторских листа. Все бы ничего, но ей-то потом эту чушь приводить в читаемый вид, сидя за компом до поздней ночи.

Внимательно посмотрев на него, она зло предложила:

– Раз я такая никчемная жена, что тебе на меня смотреть противно, то, может быть, нам просто развестись? Найдешь себе идеальную, для тебя ведь это не проблема?

Игорь осекся, явно испугавшись.

– С чего ты взяла, что ты никчемная жена? – он уставился на нее остановившимся недоуменным взглядом. – Кто тебе такую чушь сказал?

– Ты мне об этом постоянно твердишь. Надоело, знаешь ли!

– Я никогда такого не говорил, не клевети на меня! – возмутился он, негодуя сверкнув глазами.

Оливия мрачно усмехнулась. Он даже не понимает, что мелет своим длинным языком!

– Вот что ты сказал мне только за последние полчаса: «Я тощая, как кощей, смотреть на меня противно, – она принялась загибать пальцы, подсчитывая, – работа у меня дурацкая, на которой только дураки и работают». То есть я, по-твоему, дура, характер у меня мерзкий, мне же все неладно, к тому же я редкая дурнушка, потому что кощей в женском варианте, – и это твои оскорбления за один только этот вечер. А сколько их набралось за нашу совместную жизнь? Ты же вообще рот открываешь лишь для того, чтоб меня унижить!

Игорь остолбенел. Он вовсе не считал свои слова оскорбительными, он же о ней заботился! И не его вина, что Оливия все понимает превратно! Женская натура – вещь непонятная и логическому мужскому уму недоступная, это факт.

– Не утрируй! – он попытался воззвать к ее разуму. – Я же о тебе беспокоюсь! Я же тебя люблю!

Но где разум и где женщины? Вот и сейчас она с негодованием заявила:

– Учти, мое терпение на исходе. Еще одна такая «забота», и я ухожу! Люби этой своей удушающей любовью кого хочешь, только не меня!

Игорь раздраженно сжал кулаки. Но он недаром учился на разных курсах менеджмента с маркетингом и прекрасно усвоил, что раздраженным покупателям противоречить не стоит. Поэтому немного растерянно улыбнулся и нежно попросил прощения, жалко ему, что ли?

– Извини, малыш, я немного увлекся. Но ты же понимаешь, что у меня должность такая – всеми руководить. Вот и с тобой я себя по инерции веду так же, как с подчиненными. Но я исправлюсь, обещаю!

Оливия мысленно застонала. Опять это уничижительно-пренебрежительное «малыш», да еще с чувством нескрываемого превосходства! Но скандалить не стала, это было не в ее характере. Поэтому просто отвернулась, и, сообщив муженьку «устала, пойду отдохнуть», скрылась в спальне. С некоторым злорадством защелкнула на замок дверь и по-детски показала ей язык.

В большой комнате стоял широкий удобный диван, вот пусть Игорь на нем и спит, а она проведет ночь здесь, привольно раскинувшись на широкой супружеской кровати, это такое редкое удовольствие – спать одной. Спать вдвоем с мужем было испытанием еще тем – мало того, что он периодически всхрапывал, как дикий зверь, попавший в капкан, так еще и постоянно притискивал ее к себе, будто боялся, что она исчезнет посреди ночи. А если учесть, что он был горячим, как электрическое одеяло, а она предпочитала спать в прохладе, то это удовольствие было очень и очень сомнительным.

Так что нормально выспаться ей удавалось крайне редко, только в моменты болезни либо ее самой, либо Игоря, когда ему поневоле приходилось ночевать одному.

Запрыгнув с разбега на ортопедический матрас, Оливия

бесшумно рассмеялась, покачиваясь на упругих пружинах, как в лодке. Как же хорошо иногда ссориться с мужем, надо будет взять это на вооружение. А то она все его подколки проглатывает молча, вот он и распустился. Но теперь она начнет отвечать, и в их семье все наладится.

Думая так, прекрасно осознавала, что это полная утопия. Игорь взрослый сформировавшийся человек со своими взглядами на жизнь, его не переделать. Но так иногда хочется помечтать о хорошем, не так уж часто она балует себя несбыточными фантазиями. И Оливия представила, как было бы здорово сидеть с мужем за вечерним чаем, мирно обсуждая прожитый день, делиться друг с другом планами на будущее без Игоревых команд и указаний, как ей, глупенькой, правильно жить.

Открыла ноутбук, положив его на колени. Неудобно, но что делать? Стола в спальне не было, а Игорь сегодня прислал ей столько текста, что держись. Вот бы для начала сам вычитывал ту ересь, что надиктовал нейросети, тогда править его рукописи было бы сплошным удовольствием.

Для начала пробежалась по всему отрывку, удалила лишнее, исправила неверно записанные программой слова, потом принялась за редактуру уже вплотную. Бросила тогда, когда в глазах появились плавающие точки и текст стал расплываться. Сохранив файл в облаке, выключила ноут и легла, погасив люстру.

Уже засыпала, когда раздался настойчивый стук в дверь,

впрочем, не слишком громкий. Она не обольщалась – Игорь не деликатничал, а попросту боялся, что громкий стук услышат соседи, звукоизоляция в их новом доме была еще та.

Она не ответила, и он, постучав еще немного, ушел, что-то недовольно бухтя себе под нос. Грустно усмехнувшись, поплотнее завернулась в одеяло, в комнате было довольно прохладно, что ей и нравилось. Закрыла глаза, надеясь быстро уснуть, но после неудавшегося визита мужа это удалось далеко не сразу. Все-таки не каждый день она вступает с ним в споры, это для нее очень неприятная, даже травмирующая, ситуация.

Оливия вообще не любила что-то скандально доказывать, упорно стоя на своем. Хотя без этого сомнительного умения в нынешней действительности не выжить. Не мы такие, жизнь такая, это теперь повторяют все, и она не исключение.

Утром встала, как обычно, в полвосьмого, хотя не отдохнувший за ночь организм просил понежиться в постели еще хотя бы чуть-чуть. Игорь еще спал, он вообще раньше девяти не вставал. Хорошо быть хозяином, можно приезжать в офис когда вздумается, никто косо не посмотрит. Наоборот, чем позже босс появляется среди подчиненных, тем больше они его ценят.

Чтоб взбодриться, по-быстрому сварила в турке крепкий кофе и выпила его без сахара и молока. Одевшись в привычный деловой костюм, отправилась на работу на рейсовом автобусе. Народу в салоне набилось довольно много, но давки

не было, хотя все сидячие места уже заняли. Пассажиры кто дремал, кто пялился в смартфоны, засунув в уши наушники и не слыша ничего вокруг.

Глядя в окно, Оливия любовалась панорамой своего красивого города. Интересно, а смогла бы она жить где-нибудь в другом месте? Некоторые из ее знакомых осели за границей, главным образом в Европе, и относительно довольны своей там жизнью. Во всяком случае, обратно никто из них не вернулся. Но она так не хотела. Слышать вокруг чужую речь и жить в незнакомом чужом городе – это не для нее. Ей нужно, чтоб родные и друзья жили рядом и при желании с ними можно было встретиться в любой момент.

Единственное исключение из этого правила могло быть только одно: – внезапная любовь. Когда закружит голову – и все – ты пропала.

Оливия скептически усмехнулась. Любовь? Вот уж самое эфемерное и непостоянное чувство. Нет, в старших поколениях такое бывало, ее родители тому пример, но среди ровесников ей ничего подобного наблюдать не доводилось. Любовь была, куда же без нее, но вот только кончалась она как-то слишком уж быстро, причем весьма и весьма неприглядно.

Нет, такого счастья ей не надо. Уж лучше с Игорем, от него хотя бы знаешь, чего ждать. Пусть он скучноват, но зато верный и постоянный. А это немалое достоинство в нынешнее ненадежное время.

Простояв всю дорогу на ногах, она вышла на своей остановке.

Высотка, весь пятый этаж которой занимало издательство «Интересно о разном», стояла неподалеку от Невы. Вид из окна маленького кабинетика Оливии был красив, но порой ветер с Балтики выдувал из него почти все тепло, не помогали даже стилизованные под старину пластиковые пакеты. Вот и сегодня было весьма прохладно. Впрочем, к этому она давно привыкла. Холод стимулирует умственную деятельность, это не раз говаривал ей отец, профессор одного из питерских универов.

Согревая, растерла ладони, пальцы немножко мерзли, и открыла на компьютере очередной файл с видео для редакции. Но посмотреть его не дал неожиданный звонок. Посмотрев на дисплей, Оливия озадаченно пожала плечами. Свекровь! Что вдруг случилось? Обычно та никогда не звонила первой.

– Слушаю, Оксана Витальевна, – осторожно ответила, опасаясь дурных вестей.

– Добрый день, Оливия, – с неожиданной мягкостью поприветствовала ее та. – Я уезжаю в Турцию, отдохнуть, не звоните мне туда, это очень дорого.

– Конечно-конечно, Оксана Витальевна, не будем. Удачно вам отдохнуть! – оторопело заверила ее Оливия.

Раздалось торопливое:

– Спасибо! Обязательно хорошо отдохну! – и в трубке за-

звучали гудки отбоя.

Кладя телефон на стол, Оливия удивленно прошептала, отчего-то вопросительно посмотрев на потолок:

– И что это сейчас было?

Звонок действительно был необычный. После свадьбы они видели свекровь от силы пару раз, не больше, и всегда по собственной инициативе. Со своими двумя сыновьями и их семьями она отношений практически не поддерживала, считая, что те достаточно взрослые, чтоб не нуждаться в мамочке и что отсутствие вестей – добрый знак.

И вот теперь такой удивительный разговор. Никогда прежде Оксана Витальевна подобной ерундой не заморачивалась. Вывод один – ехала она на отдых не одна, а с кем-то, кому подобная отстраненность от семьи была непривычной и казалась, по меньшей мере, странной. Вот чтобы показать себя доброй мамочкой, она и предупредила об отъезде.

Оливия ее вовсе не осуждала, скорее даже была рада за нее. После тяжелого развода с отцом Игоря свекровь лет десять провела в условном одиночестве. Дама она была симпатичная, со своим жильем, приличной работой, довольно еще молодая, ибо пятьдесят пять для современной женщины вовсе не возраст, потому мужчины в ее жизни появлялись с завидной регулярностью и с такой же периодичностью исчезали.

Наталья, жена брата Игоря, Виталия, обстоятельно сообщала ей очередные изменения в статусе свекрови, хотя Оли-

вии это было совершенно неинтересно. Но Наташка, полностью убежденная, что сплетни доставляют радость не только ей, но и всему ее окружению, с удовольствием названивала ей не реже раза в неделю и рассказывала новости не только из жизни своей семьи, свекрови и родных, но о тех своих знакомых, кого Оливия ни разу в жизни не видывала, чем изрядно досаждала.

Постаравшись выкинуть из головы звонок Оксаны Витальевны, Оливия принялась вгрызаться в довольно-таки запутанный текст интервью, данный для их издательства знаменитым питерским ученым, как снова раздался звонок.

– Нет, телефон придется отключить, – решила Оливия, бросая взгляд на дисплей, и застонала.

На сей раз звонила бабушка. Отвечать придется, хотя и не хочется, ибо та достанет всех: и кто рядом, и кто далеко, не поленился озадачить поисками запропавшей внучки и секретаршу директора.

– Добрый день, бабушка! – обреченно проговорила Оливия довольно громко, та уже плоховато слышала.

– Добрый, добрый! – мембрана завибрировала от яростного крика, и Оливия стремительно отодвинула телефон от уха. – Чего не показываешься? Я уж думала, не случилось ли чего! – и, не дожидаясь ответа, скомандовала: – В общем, давай приезжай ко мне сегодня! Жду! – и отключилась.

– О-хо-хонюшки... – по бабьи причитая, Оливия полностью выключила телефон, чтоб никто ей больше не мешал

работать и рассеянно посмотрела в окно в попытке сосредоточиться.

Бабушка, вполне еще крепкая дама немного за семьдесят, была вынуждена переехать к сыну после устроенного ею в своей квартире пожара. Повезло, соседи по дому, увидев огромное дымное облако, вырвавшееся из окна ее кухни, вызвали пожарных. Тем пришлось выбивать стеклопакет и поливать пеной плиту со сгоревшей на ней кастрюлей с картошкой. Напрочь забывшая о ней бабушка в это время спала безмятежным сном младенца.

Разбудили ее пожарные в противогазах, чем она была искренне возмущена.

– Представляешь, глаза открываю, а передо мной такие рожи жуткие! – рассказывала она всем, где готов был выслушать столь душераздирающее повествование. – Я уж решила, что за грехи свои в ад угодила. Хотя чего уж такого непотребного я в жизни натворила, не знаю. В общем, высказала я этим невежам прямо в их бесстыжие глаза все, что думаю об их безобразном поведении.

С бабушки взяли приличный штраф, но это было даже и хорошо, потому что после такого потрясения она согласилась-таки переехать к сыну в четырехкомнатную профессорскую квартиру. Там даже ваннх комнат с туалетами было две, так что бабушка при желании могла не встречаться с домочадцами целыми днями, тем более, что сын с невесткой работали допоздна.

В ее распоряжении была мультиварка, электропечь с таймером, газовая плита с множеством наворотов и блокировкой подачи газа, так что устроить местный катаклизм было чрезвычайно трудно. Жила она у сына с невесткой уже почти год, но привыкнуть к новому месту так и не смогла. Да и с ее командирскими замашками это было нереально, уж слишком она привыкла указывать всем вокруг.

Решительно выкинув из головы все посторонние мысли, Оливия сосредоточилась на делах и просмотрела весь положенный по плану объем до конца рабочего дня. Отправив для визирования отредактированные видео директору, выключила компьютер. От напряжения несколько кружилась голова, ехать с визитом к бабушке абсолютно не хотелось. Вот если б папа с мамой были дома, было бы другое дело, но мама вчера предупредила, что после работы они с отцом двинут в Мариинку, на премьеру «Снегурочки».

Оливия и сама с удовольствием сходила бы в театр, неважно, на балет или на оперу, но Игорь терпеть не мог классическую музыку, заявляя, что от нее у него болят уши, и был категорически против, если она куда-то ходила без него, а огорчать его ей не хотелось.

Родительский дом встретил ее пустым гулким подъездом и сломанным лифтом. Пошла пешком, что еще оставалось? Поднявшись на седьмой этаж, немного постояла перед дверью, чтоб отдышаться. Да, надо подтянуть мускулатуру, нельзя быть такой слабой. Открывшая ей дверь бабушка,

как обычно, была недовольна. Оливия вообще не помнила, чтоб та хоть чему-то радовалась. Угодить ей было нереально, впрочем, этим никто и не занимался из-за крайней эфемерности успеха.

– Что ты так долго? Шатаешься неизвестно где! И как только тебе, растяпе, муж-то такой добрый достался, за какие-такие заслуги? – брюзжала она, едва увидев внучку.

– Добрый вечер! Я сразу с работы, бабушка, – спокойно ответила Оливия, заходя внутрь квартиры.

– Знаю я твою работу, – та скептически фыркнула, – хвостом перед мужиками вертеть, больше ведь и делать-то нечего.

Внутри у Оливии что-то болезненно ёкнуло, и она сердито выдохнула:

– Если тебе нечего мне сказать, то я пойду. Я на работе устаю. И выслушивать твои оскорбления не собираюсь. Хватает с меня и Игоря.

– Да твой муж просто ангел во плоти! – елеиным тоном заявила бабушка. – И как он тебя терпит, зануду такую противную, не понимаю!

Решив, что на сегодня с нее попреков вполне достаточно, Оливия развернулась, открыла дверь и молча вышла. Удивленная странным поведением обычно ничего ей не возражающей внучки, Зинаида Генриховна высунулась за ней следом и возмущенно прокричала на весь подъезд:

– Ты это куда направилась, а ну вернись, поганка этакая!

Не отвечая, Оливия быстро сбежала по лестнице, стараясь не слушать дребезжащий старушечий голос. На улице в лицо с силой ударил промозглый холодный ветер, и она зажмурилась, рывком поднимая капюшон. Побежала на автобус, радуясь, что не нужно ехать на метро, ее несколько напрягали замкнутые пространства.

Дома ее ждал сюрприз не из приятных. Чтоб задобрить жену и помириться, Игорь купил торт безе с пышно взбитыми кремовыми розочками. Забыл, видимо, что она не любит сладкое. А вот сам он без сластей жить не мог. А как же? Чем еще стимулировать его усиленную мозговую деятельность, ведь писательство без преувеличения тяжкий труд.

Посмотрев на большой белоснежный торт с ядовито-розовыми цветочками, Оливия скучно подумала, лучше бы он ей обычный беляш купил, раз уж вздумал мириться. Молча сделала бутерброды с сыром и ветчиной, налила чаю и себе, и мужу.

Успокоенный Игорь даже не заметил, как съел весь торт один, в лицах рассказывая про свое посещение электромеханической выставки в Пассаже. Это было действительно смешно, и Оливия от души смеялась. Настроение у нее исправилось, и она даже решила, что все проблемы ею надуманы, как он неосмотрительно осведомился:

– Как прошла встреча с Зинаидой Генриховной?

Враз поскуцнев, Оливия неохотно призналась:

– Да как всегда. Она меня ругала, я молчала.

– И что на этот раз? – он принахмурился. – Зинаида Генриховна такая милая дама, отзывчивая и обходительная. Наверняка это ты ей что-то раздражающее сказала.

Оливия саркастично хмыкнула. Да, бабушка и Игорь вполне подходили друг другу. Жаль, что так сильно разошлись во времени. Идеальная была бы пара. Или это только кажется?

– У нее просто было плохое настроение. Впрочем, когда бывает хорошее, не знаю.

– Ей очень скучно, – вступился Игорь за благоволившую ему даму, – ей бы дело какое придумать, она бы на всякую ерунду не покупалась.

– А это мысль, – Оливия призадумалась. – На компьютерные игры ее посадить, что ли? Но для этого ее нужно убедить, что компьютер не Раскольников и старушек не убивает, как она искренне считает.

Игорь возмущенно приподнял брови.

– Как-то ты без должного пиетета к родным относишься, – холодно укорил, отрезав себе еще солидный кусок торта. – Нужно же как-то поуважительнее. Недаром тебя никто из твоих собственных родных не любит.

Оливия вспыхнула.

– И кто же это конкретно меня не любит, имя назови, будь так любезен? – это прозвучало так зловеще, что Игорь покраснел, закашлялся и заюлил.

– Да это я так, к слову, – он неуверенно улыбнулся, глядя

умильными глазками.

Не желая усугублять конфликт, Оливия резко поднялась из-за стола. И почему в последнее время они все чаще ссорятся? Ведь первые годы им было так хорошо вместе...

Быстро убрав со стола, ушла в комнату. Муж так и остался сидеть на кухне, перед последним куском торта, который доедал уже без всякого аппетита, и ругал себя за несдержанность. Ведь все наладилось, так какого лешего он брякнул про ее родных? Не следит за своим языком, это правда, но где же ему еще расслабляться, как не дома?

Просто Оливия в последнее время нервная какая-то чересчур. И что это с ней такое? Не забеременела ли случайно? От этой мысли он поморщился, но оптимистично решил, что этого не может быть, они же оба предохраняются.

Негромко включив «Пер Гюнта» Эдварда Грига, Оливия прикрыла глаза и положила голову на спинку кресла. В голове всплывали странные образы, навеянные гениальной музыкой. Заглянувший в спальню Игорь досадливо поморщился и плотно прикрыл дверь, чтоб в соседней комнате не было слышно этого ужаса. Он вовсе не шутил, говоря, что от подобной музыки у него начинают болеть уши. Он не понимал, как подобное вообще можно слушать, да еще с таким упоением. Вот джаз или рок – другое дело.

Прерывая неспешные мечтания Оливии, зазвонил телефон. Мелодия была давно знакома, и Оливия с полуулыбкой ответила:

– Слушаю тебя, мама! Как прошла премьера?

– Это было волшебно! – красивый голос Изольды Андроновны ласкал ухо. – И почему в свое время я не пошла в консерваторию?! Примы из меня бы не вышло, увы, но зато я каждый день могла бы наслаждаться таким волшебством! Это же просто рай на земле!

Оливия тихонько засмеялась. После каждого спектакля за очень редким исключением она слышала от матери подобные речи.

– Зря смеешься, Олли, – Изольда Андроновна расслышала-таки легкий смешок в телефонной трубке, – я вполне серьезно.

– Я вовсе не смеюсь, мамочка, – покачала головой Оливия. – Просто одаренным в нескольких областях людям очень трудно правильно расставить жизненные приоритеты. Вспомни Александра Бородина, Цезаря Кюи. Да таких, как они, тысячи.

– Ты права, доча, – печально согласилась с ней мать. – Заниматься нужно чем-то одним. Или наука, или искусство. На все наших коротких жизней не хватает.

Изольда Андроновна недавно защитила докторскую диссертацию на сверхзаумную медицинскую тему и с данной проблемой была знакома не понаслышке.

– Ты мне звонишь потому что на меня бабушка нажаловалась? – Оливии была неприятна эта тема, но лучше показаться сразу, чем ждать нагоняя.

– Вот еще! – Изольда Андроновна сразу отмела подобное подозрение. – У свекрови прогрессирует деменция, она даже не может вспомнить, с кем в очередной раз с огоньком поругалась. Думаем купить ей компьютер, чтоб затормозить распад личности. Представляешь, мы в нашей лаборатории предметно выяснили, что компьютерные игрушки, особенно стрелялки и искалки, прекрасно с этим справляются.

Оливия усиленно закивала, будто мать могла ее видеть.

– Я уже говорила об этом с Игорем, но не знала, что вы в своей лаборатории занимаетесь подобными вещами.

– А, это побочный эффект, занимаемся мы вовсе другим. Я тебе звоню, чтоб в следующий раз взять тебя с собой в Мариинку, а то засиделась ты в четырех стенах. Не против?

До замужества Оливия с родителями или подругами довольно часто бывала в музыкальных театрах, а вот в последние годы – очень редко. Но что на это скажет муж?

Будто услышав нелегкие сомнения дочери, Изольда Андроновна небрежно посоветовала:

– И плюй ты на своего Игоря, сколько можно под него подстраиваться? И если б что дельное было, а то сплошное самоуничтожение. Вернись уже к себе самой, пора!

Оливию будто по голове ударило. Вернись к себе? А ведь и правда, она, пытаясь соответствовать ожиданиям Игоря, отказалась от многого, что любила прежде. По сути, потеряла себя, мама права. И ради чего?

– Хорошо, купите билет и на меня, – согласилась отче-

го-то дрогнувшим голосом, будто собралась не в театр сходиться, а совершить нечто гораздо более постыдное.

– Игорь хороший мальчик, но не для тебя, как и ты не для него. Думаю, теперь ты и сама это понимаешь, – твердо озвучила свое мнение Изольда Андроновна. – Пока, до встречи. От папы тебе привет! – и она прекратила разговор.

Оливия ощутила сосущую пустоту в груди. Что это с ней? Ведь все, на первый взгляд, хорошо. Нужно просто заняться активным физическим трудом. Пол руками помыть, к примеру, сразу легче станет. Конечно, Игорь будет недоумевать, ведь для этого есть робот-пылесос с функцией влажной уборки, ну да это ерунда.

Она направилась было в ванну за ведром и тряпкой, но вышедший в коридор Игорь нервно схватил ее за руку, останавливая.

– Наконец-то ты с нормальным выражением лица, хоть поговорить с тобой можно. Звонил отец, приглашает нас на день рождения очередной женушки.

Оливия скривилась. Которая жена по счету у свекра, не знал, похоже, даже он сам. Единокровных братьев и сестер Игорь даже и запомнить не пытался. Некоторые из них появились на свет вообще от случайных любовниц, но анализ ДНК родство подтвердил, и теперь Гавриил Иванович исправно выплачивал детям и их матерям довольно приличные отступные по досудебным соглашениям. Впрочем, это для него, весьма обеспеченного человека, было мелочью.

– Что-то не хочется, – вздохнула она.

– Что из того, хочется, не хочется, – агрессивно взвился муж. – Есть такое противное словцо – надо!

Лихорадочно горевшие на щеках Игоря пятна стали еще больше, сигнализируя, что он по-настоящему взволнован, и Оливия примирительно сказала:

– Если надо, значит, сходим. Только вот кому мы там нужны? Кстати, ты помнишь, как зовут твою очередную мачеху? По-моему, она меня моложе. Ей двадцать-то пять есть?

Этот простой вопрос заставил Игоря призадуматься.

– Не помню. Надо позвонить Наталье, это она всё про всех знает.

Не теряя времени зря, набрал номер всезнающей невестки. Внимательно выслушав ответ, доложил жене:

– Звать Александрина, исполняется двадцать два года. Детей у них нет, но это я и сам знаю.

– М-да, – Оливия вспомнила, что зимой свекру стукнуло шестьдесят лет, и по сему поводу был устроен грандиозный банкет в одном из элитных ресторанов. – Недурственная разница.

Игорь обескуражено опустил голову.

– После развода с матерью у него крыша улетела, это точно.

– Да они и развелись-то из-за его гулянок, – не согласилась с ним Оливия. – Так что началось это гораздо раньше.

Муж небрежно махнул рукой.

– Какая теперь разница, – он пренебрежительно раздул ноздри, – главное, что нам там нужно быть. И папаше в угоду, и деловые знакомства поддержать.

Оливия пожала плечами. Как сильно отличались семейные посиделки в ее семье, где все были рады друг другу просто так, по зову крови и добрых отношений, и сборища в семье мужа, где каждый старался выхвалиться или деньгами, или красивой спутницей. Пусть та и была откровенной курицей без мозгов, но зато с утиным клювом и ногами от ушей.

– У тебя нет приличного платья, – вдруг решил Игорь. – Надо быстренько или сшить, или готовое купить. Встреча в ресторане в эту субботу.

– Ничего я покупать не стану, – Оливии вовсе не улыбалось бегать по магазинам в поисках понравившегося мужу платья. – Сойдет и то, в котором я была на Новом году в твоей фирме. Я в нем на сабантуи Гавриила Ивановича не ходила.

– А вдруг отец пригласит кого-то из тех, кто зажигал на нашем новогоднем корпоративе? – голос Игоря дрогнул от ужаса.

Стараясь не смеяться, уж очень смешон был муж со своим нелепым пониманием престижа, Оливия постаралась его успокоить:

– Вряд ли. Даже если кто-то из присутствующих на нем и будет приглашен на празднование дня рождения Александрины, что нереально, ничего криминального не про-

изойдет. Мы не из аристократических семей, чтобы постоянно щеголять новыми нарядами. Ты же не собираешься бегать за новым смокингом по модным бутикам? Вот и я не хочу.

Игорю пришлось смириться.

– Какая ты все-таки необычная женщина, – он то ли с одобрением, то ли с насмешкой посмотрел он на нее оценивающим взглядом. – Другая бы на твоём месте ухватила за возможность принарядиться и руками и ногами. А тебе это никакого удовольствия не доставляет.

Оливия чуть слышно хмыкнула. Она действительно не фанатела по шмоткам. Нет, если было нужно, то подать себя она умела, но в обычной жизни предпочитала стиль унисекс – джинсы, водолазки и удобную обувь без каблучков. Белье, правда, любила качественное и красивое, что очень нравилось мужу.

В эту ночь Игорь категорически не захотел спать один и наутро не выспавшаяся под его тяжелой рукой Оливия, не завтракая, отправилась на работу. Увидев ее, бледную, с тенями под глазами и без капли макияжа, досадно похожую на унылое привидение, шеф слегка поморщился и сурово предупредил:

– Оливия Леопольдовна, очень прошу вас привести себя в порядок, не забывайте, что вы лицо нашей компании. На этой неделе проходит статусное всероссийское совещание, сегодня последний день, вам необходимо взять интервью у перспективного молодого ученого, у кого, можете выбрать

сами. Я на вас рассчитываю.

Шеф уплыл, а Оливия принялась торопливо наводить марафет. Слегка подчеркнув достоинства лица и заретушировав тени под глазами, решила, что сделала для имиджа любимой фирмы вполне достаточно. Взяв служебную машину, чтоб на холодном ветру не покраснел нос, – выглядеть-то надо презентабельно, – отправилась в Дом науки, где и произошло столь архиважное для ее босса событие.

Глава вторая

Максим относился к разного рода научным сборищам со сдержанным раздражением. Наверное, оттого, что ездить ему на них приходилось слишком уж часто, к тому же в гордом одиночестве. Или изредка для разнообразия вдвоем с Михаилом Владимировичем, начальником исследовательского отдела их НИИ, доктором технических наук, между прочим, тогда как Максим был всего-то кандидатом физико-математических.

Но Михаил Владимирович никогда не отмечался в выступающих, заявляя, что у Макса это получается куда краше:

– Ты на броневишке смотришься как бог. Уверенный такой, красивый, эрудированный по самую макушку. Я тобой горжусь. Был бы девкой, чес-слово, непременно влюбился бы. – И он с фальшивым восторгом смотрел на него своими начавшими выцветать хитроватыми глазками.

Макс не слишком сопротивлялся. Для него выступить с очередным докладом и ответить на каверзные вопросы никакого труда не составляло. Гораздо больше напрягали обязательные банкеты, традиционно завершающие научные сходки. Ладно, если б нужно было только есть, но приходилось еще и пить, ведь огорчать коллег, провозгласивших тосты, не следовало. Всем известно, что отрываться от коллектива значило противопоставлять себя всем остальным.

Водку на таких застольях не подавали, поэтому подменить спиртное на минералку не получалось, стоявшие на столах элитные напитки приходилось хотя бы дегустировать. Он умудрялся ограничиваться за весь вечер парой стопок, но и это считал перебором. Макс ценил свои мозги, считал их вполне достойными и убивать алкоголем не желал.

Вот и в этот раз на проходившем в Питере всероссийском совещании после многочасового тяжелого спора впереди маячил утешающий банкет, на который он идти категорически не хотел, но под чутким руководством приставучего Михаила Владимировича придется. Чтобы увернуться, должно свершиться настоящее чудо, чего в его скучной и простой жизни никогда не бывало.

На удачу Максима, после заключительного совещания, проводимого за закрытыми дверями, в коридоре к нему подошла милая дама лет двадцати пяти-шести и с прелестной улыбкой проговорила:

– Добрый день! Это вы звезда нынешнего симпозиума Максим Антонович Кондратов?

Если бы его подобным образом величал кто другой, Макс немедля взъерепенился и даже разговаривать не стал, но девушка его заинтересовала. Он в своей жизни видел много красоток, за некоторыми ухаживал он, некоторые ухлестывали за ним, путая принятые в России гендерные роли, но никогда еще его сердце так сильно не сжималось и не ухало куда-то вниз, как при этом случайном знакомстве.

– Я это, хотя и не звезда, – аморфно ответил он, беря незнакомку под руку и отводя к стене, чтоб не мешать идущим мимо и с интересом поглядывающим на них коллегам. – А вы кто?

– Оливия Леопольдовна Даньшина, старший редактор питерской издательской группы «Интересно о разном», – представилась она.

В ответ на его вопросительно поднятую бровь пояснила:

– Наше издательство не только книгами занимается и периодикой, но и ведет несколько познавательных каналов в различных соцсетях, это и современно, и выгодно. Мне хотелось бы с вами поговорить не о науке, я же понимаю, что это мне не по уму, а о ваших взглядах на жизнь.

Максим подозрительно прищурился.

– А потом вы выложите наш разговор в каком-нибудь странновастеньком месте?

Она озадаченно похлопала длинными ресницами, он даже залюбовался. Нет, до чего же хороша! Вот вроде бы ничего особенного, – не красавица, просто натуральная блондинка, с очень светлыми, почти платиновыми, волосами, светло-голубыми глазами, стройная, высокая, очень изящная, – а мужчин цепляет с первой минуты. А он совершенно нормальный в этом смысле парень и приложило его знатно.

– Ничего без вашего согласия я делать не буду, это непорочно, – твердо уверила она его. – Я представляю приличное издательство, а не какую-то подзаборную шарагу.

– Верю, верю! – он поднял руки ладонями вверх, извиняясь. – Просто мне в последнее время все какие-то прохиндеи попадаются, вот и сомневаюсь. Но, если хотите поговорить, то давайте пойдем куда-нибудь, где потише.

Она озадаченно оглянулась.

– Может быть, спустимся в холл? – растерянно спросила, не увидев ни одного тихого местечка, везде сновали люди.

– Тогда уж лучше в кабачок в подвале. Там вроде вполне приличное место. Напоминает телевизионный «Кабачок тринадцать стульев», помните такой?

Оливия кивнула.

– Классика жанра, как не помнить. Я иногда пересматриваю. Актеры замечательные играли, просто наслаждение, жаль, что так мало выпусков сохранилось. Но у вас ведь торжественное окончание встречи намечается. Не боитесь пропустить?

– Не боюсь, и даже буду рад, если удастся от него увильнуть. Не любитель я этих помпезных гулянок, – он лукаво ей подмигнул.

Слегка нахмурившись, не одобряла она подобную фамильярность между незнакомыми людьми, Оливия все-таки пошла вниз, к выходу из здания. Накинув серебристое непромокаемое полупальто, вышла из помпезного дворца. Максим следовал за ней в одном пиджаке, засунув галстук в карман и вдыхая свежий балтийский ветер всей грудью.

– Вы так замерзнете, – осуждающе глянула на него Оли-

вия. – Холодно.

– Я родился и вырос на Урале, для меня это вполне нормальная весенняя погода. Это здесь климат гнилой, а у нас морозы начинаются с минус двадцати пяти градусов. До этого значения зима считается мягкой.

Оливия озадаченно поморгала. Как-то не представляла она себе такой морозец вкупе с питерским лихим ветерком. Подхватив спутницу под руку, Макс повлек ее к углу здания, где и был вход в подвал. За небольшой вычурной дверцей оказались довольно удобные широкие ступеньки, ведущие круто вниз. Быстро спустившись, они оказались в уютном полукруглом помещении с негромко звучащей музыкой.

– В самом деле, будто попадаешь на съемочную площадку того старого телевизионного кабачка, – восторженно прошептала Оливия. – Необычно.

– Вы здесь впервые? – спросил Макс, помогая ей снять куртку и отдавая гардеробщику.

– Я вообще не сторонница подобного времяпровождения, – ответила она, лихорадочно припоминая, сколько на ее карте осталось денег. Получалось маловато, придется экономить. – Здесь не была точно, такое харизматичное место я бы не забыла.

– Да, здесь уютно, – согласился он и подвел ее к квадратному столику, полускрытому раскидистой зеленой пальмой в объемной деревянной кадке.

Не поверив своим глазам, Оливия потрогала кожистый

лист и пораженно заметила:

– Как она здесь растет, окон же нет?

На ее правой руке тускло блеснуло обручальное кольцо, и Максим почувствовал острую боль в сердце. Хотя чего он ждал? Такие девушки без пары не остаются. Эх, и почему ему так не везет?

Подошедший к ним официант в белоснежном смокинге и привычной салфеткой через предплечье услышал ее вопрос и со страдающей физиономией привычно пояснил:

– Здесь много таких растений. На ночь мы им специальные лампы включаем, а летом они вообще на улице у входа в подвальчик стоят, ультрафиолетом наслаждаются и свежим воздухом.

Прикинув, с каким напрягом приходится тащить наверх эти отнюдь не легонькие кадки, Максим оценил выносливость тех, кто это делает, и догадался, отчего так показательно страдал бедняга.

– А для чего такие непомерные усилия, – Оливия приветливо улыбнулась молодому парню, – не проще ли завести искусственные? Их же от настоящих и не отличишь, пока не потрогаешь.

От ее улыбки тот вмиг приободрился, распрямил плечи и втянул живот, стараясь соответствовать имиджу крутого мачо.

– Наша хозяйка считает, что они создают своеобразный микроклимат и что именно благодаря живым растениям к

нам ходят знаменитости.

Оливия скептически приподняла левую бровь.

– Думаю, что посетители к вам ходят не только на цветы полюбоваться. Уж скорее их больше привлекает хорошая кухня и обслуживание. Хотя интерьер тоже важен, не спору.

– Вы у нас впервые, – констатировал официант с понимающей миной. – Иначе бы знали, что нас шеф-повар – обладатель мишленовской звезды!

Максим по-ребячьи присвистнул, а Оливия вмиг заинтересовалась:

– О, а я и не знала! Можно будет потом как-нибудь взять у него интервью?

Официант с ревнивым вздохом согласился:

– Можно, отчего ж нельзя. Он покрасоваться зело любит, реклама к тому же. Только вот вы кто?

– Я редактор издательства «Интересно о разном», – Оливия потянулась к сумочке за визиткой, но официант махнул рукой.

– Слышал я про ваше издательство, – парень принял умный вид всезнающего человека. – Хорошая вещь. Анфиса Борисовна, хозяйка наша, как-то сказала, что нужно с вами обговорить какой-то рекламный ролик. Так что на ловца и зверь бежит. Я вам ее визитку дам, созвонитесь, сейчас ее здесь нет, она на других объектах. Таких, как этот, у нее в Питере несколько.

Оливия кивнула и принялась изучать поданное им меню в

блестящей глянцевой обложке. Выбор был большой, от польских блюд типа бигуса до японских суши. Изучающий свой экземпляр Макс озадаченно сказал:

– Какая-то эклектика сплошная, а не меню. Раньше вроде логичнее было.

Официант поднял глаза к низкому потолку, пожевал губами и тихо признался:

– А здесь все то, что любит готовить наш шеф-повар и к чему чувствует особое расположение. Ну и продукты свою роль играют. Их ведь когда пусто, а когда густо. К тому же сегодня наверху всероссийское совещание, гостей много. Вот шеф и расстарался и вашим и нашим, чтоб в грязь лицом не ударить.

Чувствовалось, что процитировал он чьи-то слова, скорее всего того самого мишленовского повара.

– Ага, – Максим прикинул, сколько же им придется ждать заказанные блюда. Получалось не меньше часа, что вполне его устраивало, хотелось подольше посидеть рядом с понравившейся женщиной. – Хорошо, – и он перечислил то, что захотел.

Оливия же, пунктуально выбирающая то, что подешевле, завистливо вздохнула. Ей тоже хотелось и набор морепродуктов, и салат из настоящих крабов, и на десерт изысканного миндального печенья с разной начинкой, да и вообще всего того, что заказал ее визави. Но вот только где взять столько денег? И почему она не взяла у мужа пару-тройку тысяч?

Но просить не хотелось, а Игорь сам никогда не предлагает.

Только она открыла рот, чтобы перечислить то, что решила заказать себе – салат из пекинской капусты с кедровыми орешками и ростбиф с цветной капустой, как Максим небрежно заявил:

– Думаю, моя спутница не станет возражать, если вы принесете для нее все то же, что и мне. Ничего слишком жирного и сладкого в моем заказе нет.

Опытный официант тут же смылся, не дав даме ни малейшей возможности возразить. Оливия с негодованием посмотрела на улыбающегося спутника.

– Ничего страшного, – Макс вкинул ладони в извиняющемся жесте. – Если что-то не понравится, вы просто не станете это есть, только и всего. – И добавил уже серьезно: – И учтите, я этих феминистических штук не приемлю. Если я приглашаю даму перекусить, то и плачу за нее сам. И прошу не возражать.

Оливия не преминула его подколоть:

– То есть вы настоящий мачо?

– Я нормальный русский мужик, только и всего, – он посмотрел на нее с укором. – Причем тут испанцы? У них сейчас как раз в самом разгаре гендерный идиотизм типа все равны, и право ухаживать за дамами у кавалеров отобрали. Не знаю, как в испаноязычной Америке, но в Испании точно, в Мадриде в свое время бывать доводилось неоднократно. На мой закоснелый взгляд, срам один. Но меня мучит

вопрос – откуда у вас такое необычное имя? Ни у кого такого не встречал.

Девушка слегка смутилась и пояснила:

– Моя мама в молодости увлекалась Шекспиром, это и сейчас ее любимый писатель. Вот и результат. Но давайте поговорим для интервью? Если вам что-то не понравится, я потом удалю, – и она деловито достала профессиональную видеокамеру.

Он широко ухмыльнулся.

– Давайте, если уж вам так не терпится прижать меня к стенке.

Это прозвучало так двусмысленно, что она стыдливо заделась и удивилась сама себе. Что это с ней? Она взрослая женщина и не должна подобным образом реагировать на глуповатые подколки.

Сделав строгое лицо, она установила камеру, поймала нужный ракурс и принялась задавать заранее подготовленные вопросы. Максим отвечал четко и просто, много шутил, отчего она поневоле смеялась. С ним было легко и приятно, она даже и не помнила, когда с таким удовольствием брала интервью.

Когда официант принес закуски, треть интервью уже была готова. С удовольствием вдохнув призывные ароматы, Максим указал на видеокамеру. Оливия поняливо отключила ее, остро захотев перекусить. Положив в рот маленькое канапе с лесными грибами, Максим удовлетворенно констати-

ровал:

– Вкусно. Недаром когда я бываю в Питере, всегда заглядываю в этот непритязательный с первого взгляда ресторанчик.

Указав рукой на красивый дорогой антураж, Оливия уточнила:

– Вы имеете в виду незаметный вход? Здешнюю обстановку я бы непритязательной не назвала, уж скорее наоборот.

– Естественно, – он закинул в рот еще несколько профитролей, прожевал и спросил у нее:

– А вам здесь нравится? Вкусно готовит мишленовский повар?

Она кивнула, наслаждаясь едой. Ее небрежно уложенные волосы от света лампы заблестели, чуть взлетев над головой.

– О, я ужасно голодна! А голод, как известно, лучшая приправа к любой еде. Но это шутка. Кормят здесь отменно, вы правы.

Улыбнувшись, он молча продолжил насыщаться. Оливия с облегчением подумала, как хорошо, что не ей платить за это царское угощение. Если не считать, что у нее попросту не оказалось денег, было жаль истратить на себя такую сумму. Привычка жить скромно въелась в нее еще с той поры, когда родители вынуждены были экономить на всем, ведь родить и достойно вырастить трех детей во все времена было непросто.

Вина Максим не заказал, за что она была ему искренне

благодарна. Во-первых, это говорило о его знакомстве с этикетом, в обед спиртное не пьют, во-вторых, она просто не любила никакие, даже самые элитные вина, а в благодарность пришлось бы составлять ему компанию, пусть и чисто символически.

Но вот обед подошел к концу. Оливия закончила интервью и с чистой совестью дождалась, когда он, расплатившись, с сожалением поведет ее к выходу. Ей понравилось, что расплатился он не моргнув глазом и оставил довольно-таки приличную сумму «на чай». У нее мелькнула мысль, что ученые в нашей стране получают больше, чем она думала, но он спросил, сбив ее с этой меркантильной мысли:

– Когда будет готов окончательный вариант нашего разговора? – и принахмурился, что-то прикидывая в уме.

Она тут же приняла строго профессиональный вид.

– До окончательного варианта еще далеко. Я с коллегами сверстаю интервью, согласую его с вами, потом мы поправим все, что вы не одобрите. Опубликуем его только после вашего согласия, причем письменного, в виде договора. Так что дело это небыстрое. Как, кстати, с вами связаться? Вы же скоро уезжаете?

Он вынул визитку и протянул ей.

– Только никому не давайте мои личные данные, – сухо-вато попросил. – Нам запрещено, вы же понимаете.

Оливия кивнула, удивляясь, почему он говорит ей столь очевидные вещи, и бережно убрала визитку в сумочку. Они

уже поднялись наверх и стояли у выхода из кабачка. Пристально глядя на спутницу, Максим обходительно распахнул перед ней двери.

Они вышли на проспект и тут же были вынуждены отпрянуть в сторону – в подвальный ринулась целая толпа молодняка, похоже, проголодавшиеся студенты во время большой перемены спешили восполнить потраченные на учебу калории.

Оливия проводила их снисходительным взглядом, а Максим в это время любовался ее милым лицом. Чувствовал он себя преотвратно. Всегда избегал замужних дам, считая это непорядочным, и был искренне уверен, что волочиться за ними – себя не уважать. И вот теперь не знал, как быть. Оливия зацепила его до дрожи в коленках, до мути в глазах. Но она замужем, и этим все было сказано.

– Вы счастливы с мужем? – спросил и сам поразился этому неприличному вопросу. Но ответа ждал с нетерпением.

Она не сразу поняла, о чем речь. Но, поняв, сразу посмурнела и ответила слишком уж чопорно:

– Конечно!

Почувствовав фальшь в ее нарочито укоризненном тоне, Макс приободрился. Может, еще ничего не потеряно? Лезть в чужую семью, конечно, неправильно, но, если она с мужем несчастлива, то попробовать-то можно?

В его кармане требовательно зазвонил телефон, и он, не глядя на дисплей, ответил:

– Слушаю!

– Почему ты не звонишь мне, дорогой? – раздался хорошо знакомый ему звонкий настойчивый голос.

Он скрипнул зубами, отключаясь. Вот ведь нахалка! Ухлестывающую за ним коллегу из другого отдела он откровенно не одобрял, наоборот, вел себя с ней как церемонная девица прошлых времен. Избегать ее не получалось – они работали в одном здании и даже на одном этаже. Похоже, Светлана всерьез вознамерилась сделать его своим супругом, не спрашивая его пустячного мнения на этот счет. Ведь что он понимает в женском, да и собственном счастье? Да ничего!

Молча выключил смартфон, опустил в карман. Телефон тут же зазвонил снова. Вот же зараза! И не надоело ей? Придется снова заносить ее номер в черный список, причем далеко не в первый раз.

Сколько Светлана поменяла и номеров и операторов, и все для того, чтобы лишний раз нарваться на короткие гудки отбоя, наверняка не помнила и сама. И послать ее куда подальше у Макса язык не поворачивается – ее отца, заместителя генерального директора их НИИ, он искренне уважал за справедливость и ум, вот и приходилось терпеть ее тупые закидоны.

Оливия стояла с непроницаемым выражением лица, выразительно поглядывая на светящееся напротив табло с быстро меняющейся информацией – температура, время, погода.

– Извините, – Максиму было крайне стыдно за звонок

Светланы, – когда мне ждать от вас сообщения? – Ему очень хотелось договориться о новой встрече, но он решил сделать паузу – вдруг по прошествии некоторого времени это наваждение само по себе рассеется?

– Думаю, через пару-тройку дней, раньше не получится, – она улыбалась официально, как случайному знакомому, и мужчина почувствовал искреннюю досаду. Вот ведь дернул черт эту поганку Светлану звонить так не вовремя!

– Хорошо, – он по-деловому первый протянул руку, нарушая этикет.

Оливии на мгновение показалось, что он вздумал поцеловать ей руку, и она протянула свою по-мужски, для пожатия. Чуть усмехнувшись, он сдал ей ладонь довольно крепко, но все же не так сильно, как жал бы мужчине.

Кивнув на прощанье и пожелав удачи, она быстро ушла, а он, пару раз взглянув вслед ее легкой изящной фигурке, в полном раздразе вернулся в Дом науки. В банкетном зале стояли столы с закусками, народ разбрелся по сторонам, образуя группы по интересам и заливаясь кто коньяком, кто легким вином.

Подхватив со стола бокал шампанского, Макс оглянулся, думая, к кому бы пристроиться, пить в одиночку не хотелось. Ему призывно помахали сразу из нескольких мест, но он, заметив Михаила Владимировича, молча присоединился к нему.

Тот, нахально подмигнув, спросил чуть заплетающимся

языком:

– Как дела? Удалось охмурить ту кралю?

Максима передернуло. Он никогда о своих женщинах не говорил, а вот Михаил Владимирович считал это вовсе не зазорным. Несмотря на наличие жены, он периодически заводил определенного рода знакомства, чем с удовольствием хвалился.

– Это не краля, а редактор одного из питерских издательств. Замужем, кстати.

Видимо, в его голосе что-то такое промелькнуло, потому что Михаил Владимирович прищурился и заметил:

– А ведь тебе она понравилась. Что, даже и пробовать не станешь?

Максим начал злиться уже по-настоящему. Что за манера лезть грязными лапами в чужую душу?

– И не собираюсь. Я по замужним дамам не ходок.

– Да ладно тебе! Я ж видел, какие ты на нее взгляды кидал, – Михаил Владимирович шумно хлебнул из своего бокала и отсалютовал им собеседнику. – Попался, воробышек!

Не желая продолжать столь раздражающий его разговор, Максим отошел от невежи подальше и погрузился в чисто профессиональный спор с коллегами. Одна его часть весьма профессионально доказывала оппонентам, что те ошибаются, другая досадовала на развязного Михаила Владимировича, а та, что запрятана глубоко внутри, сжималась от тоски и досады.

Замужем! Нет, это ж надо было так влипнуть! Даже этот не самый проницательный тип, — он с укором глянул на Михаила Владимировича, в одиночку успешно уговаривавшего вторую бутылку пятизвездочного армянского коньяка, — заметил его искренний интерес. Да уж, притворство — отнюдь не его сильная сторона, но до этого дня этот сомнительный талант был ему без надобности.

Но он со всем справится, что еще ему остается? Не выть же на луну?

Народ только-только начал расслабляться, а Макс, выпив бокал шампанского, в простонародье полуласково-полусаркастично называемый шампусиком, сбежал в свой номер и затих там, не отвечая на попытки коллег ворваться к нему для продолжения научных споров, в коих, как вещал Сократ, рождается истина.

В коридоре какая-то развеселая компания дружно загорланила сомнительного свойства песню про ученых, и Максим плотно закрыл вторую дверь в комнату. Стало потише, все-таки две двери не одна. На автомате принял душ, упал в кровать и устался в потолок.

Сверху, как на экране монитора, высветилось милое лицо Оливии. Вот она улыбнулась, обозначив сексуальные ямочки на щеках, внимательно на него посмотрела, будто раздумывая, что он собой представляет.

Максим резко выдохнул. Ну и ну! Такого с ним еще никогда не бывало даже в юности.

Заснул и всю ночь видел мужа Оливии, которого рьяно убеждал с ней развестись.

Утро наступило как-то внезапно, причем на дисплее высветилось уже десять часов. Заспался он, однако. Пора было собираться – самолет улетал через три часа, а нужно было успеть позавтракать, сдать номер и не опоздать в аэропорт, до которого пилить почти два часа. Пришлось ускориться. Михаил Владимирович с ним не летел, он принципиально предпочитал более комфортный и надежный способ передвижения – экспресс Сапсан.

В аэропорт Макс примчался за пятнадцать минут до конца регистрации. Багажа у него не было, с регистрацией проблем не возникло, и скоро он уже летел в Москву, расслабленно раскинувшись в удобном кресле. Потом быстрое передвижение по Москве, благо пробок почти не было и вот – здравствуй, любимая квартира!

В его двушке все было по-прежнему – немного захламлено, как в обычном жилище холостяка. Вообще-то квартира была не его, а Дениса Дмитриевича, друга деда, разрешившего ему в ней жить, только оплачивая коммуналку. Это было несколько лет назад, когда Максим приехал в Москву по приглашению генерального директора их НИИ и не знал, где бы приткнуться. Предложение Дениса Дмитриевича пришлось как никогда кстати.

За время жизни здесь сам владелец навещал Макса пару раз, не больше, да и то не с целью проверить, как там обра-

щаются с его жилплощадью, а просто узнать про своих старых друзей.

Окинув жилье взыскательным взглядом, Максим вдруг решил, что такой хламник Оливии точно не понравится, и усердно принялся за уборку. Собрав несколько пакетов бесполезного старья, задумчиво почесал затылок. И когда успело накопиться столько ненужных вещей, он вроде не крохобор? Выбросив мусор, вытащил из кладовки пылесос и пропылесосил все, до чего смог дотянуться.

С дальнейшей уборкой возникла загвоздка – швабры у него отродясь не бывало, так же как и новомодных штучек для мытья полов. Пришлось пожертвовать на это дело одну из старых футболок и вымыть пол руками, как это делали бабы в старину. После непривычных упражнений заныла спина, и он пообещал себе для облегчения столь неприятной работы купить какой-нибудь моющий робот-пылесос или хотя бы удобную швабру.

Закончив с уборкой, прошелся по всем помещениям. Отчего-то казалось очень важным, чтобы Оливии понравилась его берлога. Это было и смешно, и нелогично, ведь она ни единым намеком не дала ему понять, что он ей пришелся по душе, уж скорее наоборот, но потребность угодить ей была так велика, что он поскреб ногтем покрытую патиной временной плитку в ванной и пробормотал:

– Интересно, если ее как следует помыть с доместосом, она станет чище? Или этот налет уже ничем не убрать, проще

новую поставить?

Макс бы тотчас отправился за новой плиткой, если б квартира была его. Но Денис Дмитриевич вряд ли будет рад такому самоуправству. Надо прежде позвонить ему и узнать, не против ли он небольшого такого ремонтника?

Время шло к вечеру, а Максим никак не мог уговорить-ся, размышляя, как бы ему облагородить свое жилище. Да и свое бы надо заиметь, если уж решил завести семью. И вот на этой мысли он споткнулся, закрыл лицо руками и невесело расхохотался.

Да что это с ним такое? Ведь об Оливии он ничегошеньки не знает! Может у нее детей куча? Может, она просто слегка поссорилась с мужем, потому и прозвучали в ее голосе недовольные нотки, когда он о нем спросил, а он-то уж вообразил себе невесть что! Просто мания какая-то! Или это фобия? Никогда он не был силен в медицинских терминах.

Любовь с первого взгляда – глупость несусветная, да и где она? В женских глуповатых романчиках? Но он такие не читает. Он вообще не читает художественные книги, ему специальной литературы вполне хватает, и на нее времени-то маловато.

Вспомнив, что еще не просмотрел электронную почту, со вздохом открыл ноутбук, пробежал по сообщениям. Парой строк отделался от родных, написав, что у него все нормально, перешел на сайт своего НИИ. Вот там было уже поинтереснее. Генеральный на своей странице перечислил новые

отечественные и иностранные исследования по разным темам с призывом обязательно их прочесть.

Как известно, желание начальника – закон для подчиненных, и Максим принялся за чтение. Какие-то статьи пробежал за пару секунд, не находя в них ничего интересного, над какими-то зависал, раскатисто гукая как филин. Скопировав в личную библиотеку пять стоящих файлов, потянулся, разминая засидевшееся тело, и посмотрел на часы.

Первый час! Однако! Он и не заметил, как прошло время. Впрочем, так было всегда, когда он занимался тем, что ему было по-настоящему интересно. Отправился спать, что еще оставалось? Утром-то вставать рано. Хотя работа начиналась в девять, но до НИИ на общественном транспорте добираться надо было больше часа.

Проснувшись от звона настырного будильника, сварил в турке крепкий эспрессо, выпил его с двойным бутербродом и отправился на работу, оставив свой синий «субару» тосковать на придомовой стоянке. Удобная машинка, ему нравилась, но ездить на ней он предпочитал в выходные, чтоб не попадать в цейтноты в бесконечных московских пробках.

Он любил прогуляться поутру, приводя в порядок мысли и окончательно просыпаясь, поэтому до станции метро пошел пешком, игнорируя переполненные автобусы. От метро до НИИ было рукой подать, всего-то каких-то пара кварталов, их он проскочил, никого не замечая. Задумавшись, даже не заметил направившуюся к нему Светлану. И только когда

та ухватила его за локоть, вздрогнул и поднял взгляд. Каралит она его, что ли? Это же во сколько она сюда пришла, если учесть, что он всегда приходит минимум за полчаса до работы?

Сотрудников в институт еще шло немного, но те, кто знал, кто они такие, с ехидством ухмылялись, мол, попробуй от нее отвяжись. Выдирать руку из цепких лапок девицы было не комильфо, и Макс, скривившись, только заметил:

– Вам удобно?

Сладко улыбнувшись во весь рот, она умильно ответила:

– Да, очень.

Ответ прозвучал жестко:

– А мне нет! И вообще, я люблю другую!

Светлана пренебрежительно сморщила нос.

– Ерунда! На новогоднем корпоративе с тобой была сестра, я узнала!

Макс глубоко задышал, стараясь успокоиться и не сорваться на оскорбления.

– При чем тут моя сестра? Я вовсе не о ней говорю.

Девица отмахнулась от его слов, как от чего-то несущественного.

– Ах, вот только не надо выдумывать! Я прекрасно знаю, что у тебя никого нет.

– А это разные вещи, любить и иметь. Не синонимы совершенно! – раздраженно проскрежетал он, напрасно стараясь от нее отцепиться, что ему, естественно, не удалось.

Не дурочка же она, столько времени ждать в засаде желанную добычу и вдруг так по-глупому ее выпустить из своих загребущих ручек.

Они подошли к институтским турникетам. У Максима мелькнула заполошенная мысль перепрыгнуть через крайний и попросту удрать, но тогда отметка о его приходе в учетной системе НИИ не появится. Пришлось провести пропуском по дисплею, как все нормальные сотрудники. Светлана сделала так же, но на другом турникете.

Максим дернулся, пытаясь оторваться от назойливой спутницы, но не вышло – она тут же повисла на нем снова.

Завидев впереди неторопливо идущую по коридору Агнию Степановну, Максим в надежде на спасение ускорил шаг. Светлане поневоле пришлось идти быстрее, хотя ей этого вовсе не хотелось. Но Макс, как таран, догнал неторопливо шагающую даму и громко поздоровался:

– Доброе утро, Агния Степановна!

Оглянувшись и увидев прилипшую к нему девицу, та мигом поняла, что ее зовут на помощь. Ловким движением проскользнув между ними, она сама взяла под руку Максима и светским тоном начала расспрашивать его о прошедшем симпозиуме, безапелляционно заявив остолбеневшей от такой наглости Светлане:

– А вы, милочка, идите к себе, идите! Умные разговоры не про вас! Еще головка от напряжения заболит, таблеточки глотать придется, а это очень вредно для вашей несравнен-

ной красоты.

Та зашипела, но возразить не посмела – все-таки доктор физико-математических наук не та особа, которую можно послать далеко и надолго.

С облегчением выдохнув, Максим доложил свое мнение о питерской встрече ученых умов. Выслушав его краткое резюме, Агния Степановна оглянулась и сообщила:

– Спасибо за информацию, мой дорогой, на оперативку теперь можно не ходить, все равно там будет больше пустомельства, чем здравых мыслей. Эта липучка, кстати, ушла. Достала она тебя?

– Не то слово, драгоценная Агния Степановна. Спасибо за избавление! – искренне поблагодарил он, от избытка чувств приложив руку к сердцу.

Она иронично рассмеялась.

– Не за что. Все равно она, лишь только я уйду, снова к тебе приклеится, не думай о ней как о безвольной особе, она весьма целеустремленная и настойчивая деваха. И куда только смотрит Вадим? Они же с новогоднего корпоратива ушли вместе. Мы уж надеялись, что она нашла себе бойфренда по душе.

И она посмотрела по сторонам, выглядывая Вадима.

– Он так рано никогда не приезжает. На своей тачке всегда можно найти приключения на свою пятую точку.

– Неплохо рифмуется «тачка-точка», не считаешь? – Агния Степановна снова глухо хохотнула, она вообще любила

посмеяться, порой по одной ей лишь видимому поводу.

Максим согласно кивнул.

– Очень даже хорошо. Именно поэтому я и предпочитаю общественный транспорт. На своей лошадке можно ехать тогда, когда не особо торопишься. Даже если и застрянешь в пробке, не критично, можно и подождать, особенно если есть чем заняться.

– Ну ладно, голубчик! – подражая чопорным мэтрам, пробасила Агния Степановна. – Мне еще надо кофею с утра хлебнуть, чтоб мозги прочистить. – И она уплыла к лифту, чтоб подняться на свой восьмой этаж.

Максим же рванул к лестнице, по которой и взбежал за пару минут, перепрыгивая зараз по две ступеньки. Двенадцатый этаж встретил его сумрачной прохладой и тишиной. Открыв свой отдел, обнаружил внутри оглушающую пустоту. Пройдя мимо длинной череды пустующих столов со стоявшими на них компьютерами, закрылся в своем кабинете, чертыхаясь про себя.

Висевшие на стене круглые электронные часы уныло сообщили ему, что до начала рабочего дня осталось каких-то десять минут. И где ходят сотрудники? Совсем его не уважают, однако. И ссориться не хочется, и потакать нарушениям дисциплины он не имеет права.

За пять минут до рокового часа, успокаивая его разгулявшиеся нервы, в кабинет дружной толпой хлынули подчиненные. За пару минут все сняли верхнюю одежду, повесили в

шкафы и устроились на рабочих местах. Кофе на рабочем месте не пил никто, значит, успели заскочить в маленькую кофейню у входа. Заправлял там настоящий итальянец, поэтому кофе был вкусным и крепким, а выбор большим – от традиционного эспрессо до кофе по-ирландски.

Максим даже пожалел, что не заглянул в кофейню сам, уже очень после общения со Светланой хотелось чего-то освежающего и бодрящего. Повезло, что работали они с ней в разных отделах, хотя она и умудрялась заскакивать к нему по каждому мало-мальски удобному поводу.

В отделе царила тишина, только легкий гул компьютеров и щелканье клавиш клавиатуры показывал, что работа спорится. Максим тоже углубился в расчеты, когда раздался звонок. Он кинул недовольный взгляд на дисплей и с досадой стукнул себя по лбу – звонил генеральный, лично.

– Добрый день, Илья Иванович, – покаянно проговорил в трубку Макс, – я совсем забыл о совещании. Сейчас буду.

– Давай приходи уже, – прогудел низкий музыкальный бас. – Ждем только тебя.

Подорвавшись, Максим выскочил из кабинета и, бросив на ходу:

– Я на совещание к генеральному, – умчался, на ходу пеня себе на девичью память.

Хотя особо упрекать себя было не за что – после одуряющих встреч со Светланой у него напрочь отключались мозги, усиливая инстинкт самосохранения.

Кристина, личная секретарша генерального, укоризненно посмотрела на опоздавшего, но он ее деморализующий взгляд не заметил, опрометью влетая в длинную комнату для совещаний.

– А вот и наш долгожданный Максим Антонович! – иронично приветствовал его генеральный. – Очень вам рады, проходите, будьте так любезны, не стесняйтесь.

– Простите, опоздал, – по-военному кратко произнес Максим и поздоровался с сидящими вокруг огромного стола начальниками.

Те миролюбиво покивали ему в ответ.

– Ну что, докладывай! – приказал генеральный. – И потом не забудь отчетец оформить. А то не любишь ты это дело, плавали-знаем.

Макс виновато склонил буйну голову и принялся рассказывать про совещание. И хотя говорил исключительно по существу, но все равно закончил только через полчаса. Илья Иванович хмурился, нервно подергивая седеющие волосы.

– Вот так я и думал! – констатировал он, угрожающе уставившись на начальника исследовательского отдела. – Опоздаваем, по всем фронтам опаздываем!

Фрол Никитыч нервно вскинулся.

– Сами знаете, какой у нас провал с кадрами! Только придут – тут же уходят. Не справляются, уж очень сложные у нас перед ними стоят задачи.

– А не надо говорить молодежи, что они круглые дурни, –

неожиданно сам для себя вступил в полемику Максим, – кому это вообще может понравиться? Учить надо, если не тянут, а не ругать. Ко мне ушла пара ваших «дурней» – вполне нормальные ребята, я ими доволен.

– Дурни, значит? – Илья Иванович потемнел как грозовая туча, и теперь уже всем в кабинете стало неуютно и даже страшно. – Оставайтесь после совещания, Фрол Никитыч, мы с вами миленько так побеседуем.

Начальник исследовательского отдела испуганно сжался и обвинительно уставился на Макса. Но тот молча сел на свое место, ничуть не впечатлившись страшными взглядами старшего коллеги. Фрол Никитыч давно позволял себе вольности в общении с подчиненными, и словцо «дурни» употреблял походя, для него оно было вовсе не ругательством, а своего рода стимулом. В напряженные моменты он использовал куда более вольные выражения.

По мнению Максима, его давно следовало с административной работы убрать, но как можно? – заслуженный человек, профессор, в анналах отечественной науки его имя вписано прочно. А то, что он давно уже не справляется с возложенными на него и его отдел задачами, это же дело десятое, понять и простить – святое дело! И сколько таких заслуженных в их НИИ? Да десятки! А по стране? Тысячи?

Дальше начались отчеты начальников отделов о проделанной работе за прошедшую неделю. В этот раз генеральный был на редкость придиричив, беднякам досталось за все их

прегрешения, и действительные, и мнимые. Максиму попало тоже, но все-таки поменьше остальных. Главная высказанная к его людям претензия была одна: – крайне низкая дисциплина. Понимая, что генеральному просто надо стравить пар, он промолчал, хотя ему очень хотелось заметить, что главное – это результат, а способствует этому творческий подход, а не солдатская муштра.

Поговорив еще с пару часов и выслушав сердитое напутствие Ильи Ивановича, все разошлись. Фрол Никитыч попытался было высказать свое «фи» Максу за фискальство, но тот не стал его слушать, заявив:

– Вам что, делать нечего? Так мне работать надо, а вас Илья Иванович просил остаться.

Сказав это с угрожающими интонациями Бронево-го-Мюллера, он быстро удрал, оставив начальника исследовательского отдела раздраженно смотреть ему вслед. Никакой вины Максим за собой не чувствовал, но все равно было неприятно. Есть же такие люди – у них всегда виноваты другие, но только не они, нежно собой любимые.

Задача перед ним была другой – как бы донести до коллектива необходимость соблюдать хотя бы видимость порядка? Конечно, наука – это творчество, но работа в государственном учреждении подразумевала определенную дисциплину. Как объяснить это людям, так не считающим?

Собрав подчиненных в комнате для оперативок, окинул всех орлиным взором.

– Уверен, вы уже догадались, о чем пойдет речь? – хмуро спросил, не понимая, отчего улыбаются две сотрудницы, сидевшие напротив.

Его зам Иван Васильевич, немолодой спокойный дядька, ухмыльнувшись, ответил:

– Наверняка речь шла о дисциплине, о чем же еще?

– Ага, – Ольга Марковна для чего-то сложила губки бантиком, будто собралась целоваться, – мы сегодня с генеральным все вместе кофе пили у нашего итальянца. И сразу поняли, что он будет нами недоволен.

Анатолий, пришедший в отдел от Фрол Никитыча и до сих пор испытывающий по этому поводу некоторую эйфорию, быстро откликнулся:

– А что вы хотели? Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку. Илья Иванович сам себе выговоры делать не станет.

– Да кто бы сомневался! – Ольга Марковна энергично подергала себя за мочку уха, словно собираясь его оторвать. – Наш генеральный неплох, но порой ведет себя несколько странновато. Особенно если учесть, что мы ушли, а он остался.

Ее намек был понятен без излишних пояснений: самый большой начальник на рабочее место пришел позже всех.

С легким вздохом Максим попытался восстановить пошатнувшийся авторитет генерального директора:

– Скорее всего, он там поджидал тех, кто пьет кофе после начала рабочего дня. Так сказать, проверял коллектив на

предмет нарушения дисциплины.

– Сам-то в это веришь? – скептически уточнил Иван Васильевич, вдруг понявший, что тоже отчаянно хочет испить хороший кофе, он-то в утреннем кофепитии не участвовал.

Макс неодобрительно пожал плечами.

– Верю-не-верю, какая разница? Нам стоит сделать правильные выводы из замечания Ильи Ивановича и дисциплину больше не нарушать. Сами знаете, квартальная премия на носу, а срезать ее генеральный может из-за любого пустяка.

Этот аргумент был очень весом, и народ дружно пообещал больше с коварным директором нигде не пересекаться, тем более в таком сомнительном месте, как кофейня. А если где его кто заметит, тут же смоемся, во избежание, так сказать.

Максим этим пылким обещаниям не слишком-то поверил, но решил ситуацию не обострять и перешел к профессиональным проблемам.

Глава третья

Все было замечательно – и волшебная музыка Моцарта, и восторженные зрители в зале, и первый ряд амфитеатра, откуда видна была вся сцена, но Оливия чувствовала себя очень необычно. Будто находилась не здесь, в Мариинке, а в том уютном ресторанчике, где рядом сидел потрясающий мужчина.

Да, он красив, обаятелен, у него широкие плечи и спортивная фигура, вот только таких, как он, она за свою жизнь повидала немало. Игорь, в принципе, тоже вполне достойная мужская особь, раздобрел, правда, в последние годы сильно. Но вот только в душу ей никто так глубоко не западал, как этот, по сути, случайный знакомец.

Она в тысячный раз повторяла себе со всей возможной строгостью: да бабник он, от таких надо держаться подальше! – и не верила этим мудрым словам. Хотелось снова сидеть с ним рядом, смотреть в ироничные серые глаза и смеяться над его забавными рассказами.

Это было настолько не похоже на ее обычную сдержанность и здравый смысл, что она всерьез подумала, что он ее чем-то опоил. Но как? Она ни на что не отвлекалась, так что это даже теоретически было невозможно. Да и глупости все это из разряда бабьих сказок, лезут же в голову такие странные мысли!

Неужто она влюбилась? Опыта подобных отношений у нее никогда не было. Даже когда выходила замуж за страстно влюбленного в нее Игоря, ясно понимала, что относится к нему хорошо, но чисто по-дружески, и была уверена, что этого вполне достаточно для удачного брака.

И вот теперь ее догнала влюбленность, возможно, даже первая. Во всяком случае, она не помнила, чтобы мысли о ком-то заслоняли для нее происходящее. На работе она с трудом сосредотачивалась, чтобы выполнить свои должностные обязанности, дома неохотно, без присущей ей тщательности правила написанное мужем, да и вообще стала отличаться несвойственной ей рассеянностью.

Если б мама не напомнила ей о сегодняшнем спектакле, она бы запросто его пропустила. Хотя можно было бы и не ходить – она все равно не слышала ничего, музыка обволакивала ее нежной волной, но до сознания не доходила. И когда раздались бурные аплодисменты и крики «браво» она нервно вздрогнула, очнувшись.

Представление окончилось, а она даже и не заметила, погрузившись в подростковые мечтания! О, как же стыдно!

Изольда Андроновна восторженно приложила руку к груди.

– О, это было волшебно, правда, Олли?

Оливия лишь молча кивнула в ответ. Зная, что в минуты волнения дочь не любит говорить, мать обратилась к мужу:

– Как ты считаешь, сегодня оркестр звучал по-особенному

хорошо? И певцы пели просто божественно?

Не будучи столь восторженным почитателем оперы, как жена, Леопольд Аристархович пробурчал нечто неопределенное. Овации затихли, публика потянулась к выходу. Семья Даньшиных неспешно переждала нетерпеливых и лишь после этого спустилась вниз, в гардероб. Леопольд Аристархович галантно помог своим дамам облачиться в пальто и повел их к входным дверям.

Возле оставленного на стоянке неподалеку от театра «мерседеса» они внезапно наткнулись на о чем-то ожесточенно споривших Наталью с Виталием. Оливия вовсе не горела желанием с ними разговаривать, но было поздно – Наталья их уже заметила.

– Оля? Привет! – она кинулась к ней, будто спасаясь от домогательств. – Ты какими судьбами здесь? Где Игорь? – она озиралась, выискивая спрятавшегося от нее деверя.

– Я из Мариинки, – Оливия неодобрительно прикрыла глаза, она не терпела громких воплей. – Игоря со мной нет, он остался дома. Я с родителями.

Наталья только теперь заметила стоявших рядом Леопольда Аристарховича с Изольдой Андроновной, заинтересованно рассматривавших ее как какую-то заморскую зверушку. Ее ярко-красное пальто-разлетайка, отчего-то почитаемое ею за последний писк изменчивой моды, ей абсолютно не шло, делая похожей на ищущую клиентов девицу с панели. К тому же непомерно яркий макияж выдавал ее слиш-

ком уж неприязнительный, на грани вульгарного, вкус.

Она неловко с ними поздоровалась и укорила Оливию:

– Игорь один наверняка с ума сходит. Он же без тебя никуда. У него болезненная женозависимость.

Если эти слова были призваны ее устыдить, то своей цели не достигли, Оливия лишь насмешливо прищурилась и ответила:

– Он уже большой мальчик, переживет.

Брат Игоря довольно хохотнул и подтвердил:

– Однозначно переживет. И что все с ним носятся, не понимаю.

– Но как же? – Наталья аж рот открыла от удивления и возмущения. – Он же писатель! Талант, каких поискать!

Виталий саркастично уточнил:

– Это Оливия талант, каких поискать. Приходилось мне читать его черновики, бред полный. Так что еще неизвестно, кто у нас писатель.

– Не я – это точно! – открестилась Оливия от столь сомнительной чести. – Я простой редактор, а не соавтор.

– А без твоей правки его книги кто-то читать будет? – деверь не собирался щадить младшего, чересчур перехваленного, по его мнению, брата.

– Может быть, мы домой поедem? – не очень вежливо вмешалась в разговор Изольда Андроновна, – поздно уже, а мы после работы.

– Ой, извините! – испуганно пискнула Наталья. – Ты мне

позвони, Оля! – приказным тоном обратилась она к Оливии. – Поболтаем!

– Может быть, вас подвезти? – учтиво предложил Леопольд Аристархович. – Место есть, все войдем.

– Спасибо, мы на своей машине, – с поклоном вежливо отказался Виталий, только что ножкой не шаркнул.

Сев в «мерседес», Изольда Андроновна скептически заметила дочери:

– Все-таки твоя золовка очень необычная дама. Носить такие дикие расцветки ненормально. Было бы ей лет пятнадцать, тогда ее цветовой кретинизм был бы оправдан тягой к подростковой независимости, а то ведь ей хорошо за тридцать. Или у нее дальтонизм?

В ответ Оливия лишь пожала плечами. Про болезни золовки она ничего не знала.

– Вряд ли. Мне тоже кажутся странными вкусы Натальи, но пусть в чем хочет, в том и ходит. Мне все равно.

– Такими вырви-глаз расцветками женщины извещают всех вокруг, что свободны, – иронично заметил Леопольд Аристархович. – Похоже, семейная жизнь ее не устраивает.

Оливия никогда не задумывалась над такими проблемами.

– Не знаю. Шебутная она – это факт, но насчет другого судить не берусь.

Изольда Андроновна пропела своим красивым голосом отрывок из «Волшебной флейты» и восторженно вздохнула.

– Хорошо-то как! Будто в живой воде искупался.

Оливия с ней согласилась. Уже дома, тихонько заходя в темную квартиру, подумала, что делает муж. Но тот, широко раскинувшись, мирно спал в их постели, время от времени прерывисто всхрапывая. Оливия на цыпочках прошла до платяного шкафа, достала ночную пижаму и ушла в ванную. Потом разобрала диван в большой комнате и улеглась спать, радуясь, что и отговорок никаких придумывать не нужно – она же, как заботливая женушка, не хочет будить крепко спящего мужа.

Закрыла глаза, и в ее бедной голове вместо чарующей музыки Моцарта зазвучал голос Кондратова. Нет, она точно переслужала его интервью, ведь передачу она обрабатывала неимоверно долго, добиваясь отличного результата, вот и печальный итог. Не стоит придавать этому слишком большое значение, вот сдаст материал и все пройдет. Под эти успокоительные мысли она и уснула.

Утром ушла, даже не выпив кофе, настолько не хотелось видеть помятую со сна физиономию Игоря. Он спал всегда лицом в подушку и поутру на его щеках виднелись забавные складки. Сначала ее это забавляло, потом стало раздражать. Она понимала, что ее раздражение – выражение неудовлетворенности, но что с этим делать, не знала. Советы по налаживанию семейной жизни, что в огромном количестве озвучивались блогерами по разным каналам интернета, казались ей невероятно глупыми.

На работе ничего нового не было, если не считать явно ангажированного и насквозь фальшивого ролика о доблестной работе на благо родного города одного из депутатов. Она бы подобное никогда не одобрила, но самому депутату ролик очень даже понравился и беспрепятственно пошел в эфир. Единственное, что радовало Оливию – готовила эту муру не она. Шефу она даже замечания посылать не стала, ведь ясно было, что кушать хочется всем, причем вкусно и много, работники их издательства не исключение.

Интервью с Кондратовым было готово, но она почему-то все медлила, не отправляя его по указанному в визитке электронному адресу. Отчего, не могла понять и сама. Прежде она с облегчением сбрасывала выполненное задание и бралась за новое, зачем же тянет сейчас?

Укоризненно покачивая головой, Оливия набрала адрес Макса и отправила файл с интервью. Интересно, когда он ответит? Он же на работе. Скорее всего, вечером, из дома. Она надеялась, что интервью ему понравится, она столько сил угрожала на редактирование, никогда столько не возилась.

Вечером ей пришел ответ. Открывая сообщение чуть подрагивающими руками, она ждала чего угодно, и возмущения, и претензий, и замечаний, что убрать что оставить, но никак не ожидала хвалебного «здорово! Я даже сам себе понравился, умный такой, красивый, с чувством юмора. Вы просто волшебница, Оливия. Сделать из посредственности

талант, это истинной магией нужно обладать. Одобряю!»

Она несколько раз перечитала отзыв, улыбаясь немного глуповатой, но очень счастливой улыбкой. Слово «одобряю» она решила все-таки отнести к передаче, а не к своей замечательной особе.

– Чему ты так радуешься? – с неожиданной ревностью спросил внезапно возникший рядом с ней Игорь. – Премию дали?

Она разочарованно посмотрела на него. Откуда эта странная меркантильность?

– Нет, просто закончила очередной проект. Завтра займусь следующим.

– Каким? – никак не мог успокоиться муж.

Оливия даже подумала, что он заподозрил ее в измене или в чем-то вроде этого. Его подозрения были настолько близки к правде, ведь вспоминала она о Максиме предосудительно много, что она невольно покраснела.

– Пойду брать интервью к владелице сети ресторанчиков. Яркая дама. Надеюсь, и передача получится интересной.

– Шатаешься по разным значным местам, – Игорь обвиняюще наставил на нее указательный палец, – и для чего? Понимаю, если б ты миллионы зашибала, а то копейки на своей убогой работенке получаешь.

Оливия с досадой выпрямилась и отложила в сторону ноутбук.

– А давай ты мне будешь за редактуру твоих книг пла-

тить по книгоиздательским расценкам, а? – она с изучающим прищуром глянула на возбужденного мужа. – Вот тогда я и в самом деле буду деньги грести лопатой.

Он не понял и недоуменно потряс головой.

– Какие деньги? Ты о чем?

– Ты считаешь, что редакция простое и легкое дело? И никак не оплачивается? Ну так знай, что редакция одного авторского листа стоит не меньше 6 тысяч рублей. А если учесть, что я еще и корректурой занимаюсь, что тоже оценивается прилично, то за месяц работы ты мне должен не менее трехсот тысяч.

Игорь аж подавился. Такого он не ожидал. Нет, триста тысяч за то, что она, сидя дома, прочитает его произведения и что-то там поправит? Какая ерунда! Но ссориться и доказывать глупость ее слов не стал. Просто миролюбиво предложил:

– Что мы все ссоримся? Давай лучше чаю с лепешками попьем. Я помидор вяленых купил, итальянских. Несладкие, правда, с кислинкой, но вкусные.

Оливия вдруг вспомнила, что за весь день выпила только чашку кофе с маленьким бутербродом, просто ничего больше не успела, да и забыла, если честно. Она кивнула и встала. Лепешки были пышными и мягкими, у Игоря с тестом были вполне дружеские отношения, он вообще любил возиться на кухне. Они чуть-чуть сластили, но с вялеными итальянскими помидорами были вполне хороши.

Она съела несколько штук, довольная уже тем, что муж молчит. Он же в полной задумчивости уминал лепешку за лепешкой, даже не заметив, как на столе ничего не осталось. Не обнаружив на блюде ни крошки еды, встрепнулся и спросил у Оливии:

– Ты помнишь, что завтра мы идем на день рождения к жене отца?

Оливия вздрогнула. Об этом она совершенно забыла! Вяло ответила:

– Ты мне напомнил. Опять отдохнуть не придется.

Он постарался найти что-то хорошее в неприятном:

– Зато поедим вкусно. Отец всегда гостей хорошо угощает. Кстати, а что подарим-то? Он же всегда говорит, что деньги дарить вульгарно.

– Не знаю я, что ей дарить, у нее все есть. А чего нет, того мы подарить не можем.

Игорь непритворно удивился:

– А чего у нее нет? Все есть, папочка на своих женушек денег никогда не жалел.

– Уважения и любви мужа. Ну и вся остальная семейка ее не сильно ценит, – суховато пояснила Оливия.

– А чего ее ценить? – Игорь даже возмутился, впрочем, довольно флегматично. – Захомутила богатого старика и счастлива. Которая она вообще у меня мачеха по счету? Меня она, кстати, моложе.

Оливия скептически усмехнулась.

– Я ее видела один только раз, мне она счастливицей не показалась.

– Естественно, не совсем же она бесстыжая, – Игорь похабно усмехнулся и пояснил конкретно, отчего та могла быть недовольна.

Оливия с ним не согласилась:

– Секс тут ни при чем. Она от старого мужа сексуальных подвигов явно не ждала. Тут что-то другое, но вот только что?

– Вечно ты что-то выдумываешь, можно подумать, что писатель у нас ты, а не я, – недовольно возразил муж. – Но мы начали говорить о подарке, а закончили ее мнимой несчастью.

– Подари ей пару своих книг с автографами, – предложила мудрая жена. – Не думаю, чтоб они у нее были.

– В самом деле! – Игорь взбодрился. – Пойду приготовлю, что потолще, они презентабельнее. Вряд ли она их вообще читать будет.

Он ушел, бурча себе под нос «и где папенька только себе таких щучек откапывает». Оливия осуждающе посмотрела ему вслед, у нее-то сложилось мнение, что не все так просто с очередной женитьбой любвеобильного свекра.

На следующий день, в субботу, они ровно в четыре часа стояли в длинной очереди поздравляющих. Именинница скромно улыбалась, принимая нескончаемые подарки и, не разворачивая, складывала их на стоящий рядом журнальный

столик.

К удивлению Игоря, врученные им книги она тут же раскрыла и с искренней радостью воскликнула:

– О! Мои любимые романы «Смерч» и «Черный грач»! Да еще и с автографом! Это замечательно! Огромное спасибо!

От удовольствия Игорь несколько покраснел. Все-таки похвал от родственников он слышал очень мало, больше подначек и подтруниваний. Серьезным писателем его не считал никто. Он бы еще поговорил о своих книгах, но стоявший за ним брат отпихнул его от именинницы и вручил той длинную бархатную коробку с требованием тут же в нее заглянуть.

Та нехотя ее открыла и растянула губы в деланной улыбке.

– О, австралийские опалы, как мило! Они такие красивые, спасибо!

– Если хочешь, можешь прямо сейчас их надеть, они вполне подходят к твоему платью, – величественно разрешил ей подошедший супруг.

Чуть заметно вздохнув, именинница вынула кружевное кольцо из футляра и бережно надела его поверх своего закрытого серебристого платья. Камни заиграли разноцветной радугой, и Виталий заносчиво вздернул нос. А вот Наталья была не слишком рада. Быстро оттащив мужа от именинницы, она что-то сердито ему сказала, но он лишь пренебрежительно скривил пухлые губы.

– Может быть, надо было все-таки что-то более ценное

подарить? – сказал Игорь, едва они отошли от Александрины, – а то неудобно как-то. Тут у всех подарки такие дорогие, а я со своими дешевыми книжками, – и он обвинительно посмотрел на жену. А что, это ведь она дала ему дурацкий совет.

Оливия лишь снисходительно усмехнулась.

– Игорь, единственный подарок, которому она искренне обрадовалась, это твой. Так что вполне можешь собой гордиться.

Обрадованный ее словами Игорь заявил, что прошвырнется по залу, ему надо деловой имидж поддерживать, и исчез, чему его жена была только рада. Утешив огорченного мужа, она направилась к незнакомой паре, скромно стоявшей возле стенки. Улыбнувшись неприкаянно торчавшим у стены гостям, завязала непринужденный разговор, пытаясь смягчить их напряжение:

– Добрый день! Похоже, вы на подобном сборище впервые? – она обратила внимание, как виновато незнакомая дама смотрит на Александрину. – Я Оливия, жена Игоря, второго сына Гавриила Ивановича.

Оливия знала, что действует на людей располагающе, наверное, потому что ко всем относится по-доброму. Вот и сейчас пара, похоже, муж с женой, встrepенулись и представились:

– Мы просто родители Александрины, Мария и Василий, и да, мы впервые отмечаем ее день рождения с родными ее

супруга.

«Супруга» прозвучало как-то холодновато, и Оливия слегка удивилась. Похоже, родные Александрины были против на первый взгляд такого выгодного брака дочери. Видимо на лице Оливии промелькнуло что-то похожее на осуждение, потому что дама вдруг горячо заговорила:

– Я знаю, что вы все не одобряете нашу дочь, считаете, что она из-за корысти какой связалась с этим стариком, он ведь старше нас с мужем, она ему даже не в дочери, а во внуки годится. Но это вовсе не так. Просто сильно заболела наша младшая дочь, ей тогда пять лет было, нужны были деньги на лечение, и большие. Ни у нас, ни у наших родных таких не было, мы же простые люди, миллионов не имеем. Тогда Саша решила попросить их у наших олигархов. Обошла больше десятка, никто с ней даже встретиться не пожелал. Как она смогла увидаться с Арелиным, не знаю. Он ей предложил: он ей дает деньги на лечение сестры, а она взамен выходит за него замуж.

В разговор вступил до сей поры молчавший отец Александрины:

– Вот-вот! Дочка у нас красавица, это так, – прозвучало это с мрачной гордостью, – но вот к добру это или к худу, не знаю. В общем, она согласилась, хотя у нее парень был, хороший человек, кстати.

– Да не сильно хороший-то, – сердито перебила его жена, – раз он сразу после свадьбы Александрины женился. Сейчас

уж и ребенок у него есть.

– Он не виноват, что женился так быстро. – Не стал уступать ей муж. – Я Генку прекрасно понимаю. И боль от предательства снять попытался, и новую жизнь начать. А что, ему сопли на кулак мотать надо было? – это прозвучало грубо, но Оливия и глазом не моргнула.

– Теперь понятно, отчего она такая невеселая всегда, – вздохнула, от всей души жалея Александрину. – Но хоть сестренка поправилась?

Они оба облегченно закивали головами.

– Слава Богу, жертва старшей не была напрасной! – пафосно провозгласила мать и добавила уже просто: – Но мы с отцом как узнали об этом, сильно против были. Зачем жизнь-то так свою калечить? Но разве молодежь теперь родителей-то слушает? Все сами с усами.

Оливия новыми глазами взглянула на Александрину. Вот не зря чувствовала, что та вовсе не охотница за красивой жизнью, недаром так равнодушно принимала дорогие подарки родственников.

– А что, никого из подруг и родни Александрины здесь больше нет? – она посмотрела вокруг в поисках незнакомых лиц.

– Нет, не наш это уровень! – досадливо ответила Мария. – Но мы завтра у себя соберемся, вот там и родни много будет, и друзей. Будет весело и просто, без этой ядовитой изысканности.

– И Гавриил Иванович тоже будет? – недоверчиво уточнила Оливия, прекрасно зная, как не любит тот домашние посиделки.

– Этого еще не хватало! – испуганно отмахнулась женщина. – Мне с ним так неуютно, так конфузно, да и всем нашим тоже. Нет, надеюсь, он нам праздник своим присутствием портить не станет.

Оливии тоже не нравилось навязчивое радушие свекра, оно было откровенно показушным, но о Гаврииле Ивановиче она говорить не стала, принялась расспрашивать новых знакомых об их жизни. К своему удивлению, они с удовольствием рассказали ей о себе, хотя особой разговорчивостью никогда не отличались.

Уже сидя за столом, Мария сказала мужу:

– Слушай, я никогда таких располагающих к себе людей за всю свою жизнь не встречала. Вроде и не красавица, но взгляд от нее не оторвать. А улыбнется – так на все ради нее готов. Тебе так не показалось?

– Мне показалось, что породистая она очень. И скорее всего из дворян. Думаю, она в этой семейке тоже вовсе не потому, что ей богатства захотелось.

Мария остро взглянула на сидевших за столиком неподалеку Оливию с Игорем.

– Мне кажется, она мужа не слишком-то любит. Все от него отворачивается.

Проследивший за ее взглядом Василий хмыкнул:

– Если он столько жрать будет, как сейчас, то скоро распухнет до безобразия, он и так далеко не худенький.

Мария посмотрела на сидевшую за главным столом дочь. Та улыбалась какой-то неживой приклеенной улыбкой и по сторонам не смотрела. Ни дать ни взять наряженная кукла. Хотя по сравнению с окружавшими ее родственницами мужа одета она была очень даже скромно, но элегантно. Марии снова до слез стало жаль свою красавицу-дочку, и она уткнулась в тарелку, чтобы не выдать своего настроения.

Она прекрасно знала, что потом многочисленные дети и родственники Арелина-старшего выскажут Александрине и то, что было, и то, чего не было. И расспрашивать начнут, чего это у нее мамочка такая квелия, иззавидовалась небось уже вся.

Оливия с тщательно скрываемым неудовольствием слушала ироничные комментарии блистающего остроумием мужа. Ей очень хотелось сказать ему, чтоб замолчал, но он ее однозначно не поймет. Игорь прошелся насчет всех своих единокровных братьев и сестер, коих на этом банкете присутствовало, по его выражению, аж восемь штук, и это не считая мелких, которые до подобных празднеств еще не доросли.

Досталось и родному старшему брату, которого Игорь отчего-то сегодня особенно невзлюбил. Возможно из-за дорогого подарка, что переливался сейчас на шее именинницы.

– Лучше бы жене подарил, недаром та такая недовольная

сидит.

Наташка действительно на что-то дулась, демонстративно отворачивая сердитое лицо от мужа. Оливия пожала плечами.

– Взрослые люди, сами разберутся.

Но когда Игорь принялся высказываться о моральном облике Александрины, резко его оборвала:

– Хватит! Она человек порядочный и достойный. Это твой папашка поставил ее в такие условия, что ей пришлось за него замуж идти, она вовсе этого не хотела.

– А ты откуда это знаешь? – Игорь несколько опешил от резкого тона жены.

– Я поговорила с ее родителями, очень приятные люди. Он небрежно тряхнул правой рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.